

МАТРИЦА МАКИАВЕЛЛИ

ДМИТРИЙ
Наумов

**МИССИЯ
ВЫПОЛНИМА**

Дмитрий Евгеньевич Наумов

Матрица Макиавелли

Серия «Миссия выполняема»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42937933
Матрица Макиавелли. Роман: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8215-1

Аннотация

События, захлестнувшие весь Ближний и Средний Восток, вынуждают активно работать все разведки мира. Российские спецслужбы не остаются в стороне от конфликта, в котором затронуты стратегические интересы Российской Федерации. В регион направляется лучший сотрудник для проникновения в руководящие структуры одного из крыльев исламского движения у границ среднеазиатских республик. Однако изначальные планы меняются с появлением средневековых рукописей, которым в «Исламском фронте» хотят придать сакрально-мистический характер.

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дмитрий
Евгеньевич Наумов
Матрица Макиавелли
Роман

Все нижеизложенное является вымыслом автора. Любое совпадение с реальными событиями и личностями носит случайный характер.

Часть первая

Пролог

654 г. Хиджры,

Месяц зи-л-кадэ (ноябрь 1256 г. от Р. Х.),

Мазандеран, Персия, Иранское нагорье

Декабрьский холодный ветер раздувал полы черных мант, трепещущих за крупами коней, как флаги джихада. На фоне вечернего неба, окрашенного красками заходящего солнца, отряд всадников, одетых в черные одежды, должен был вызывать у свидетелей, если бы они были, ужас. Но кругом не было ни души... Не было даже феллахов, которые обычно в это время года добирали в этом Богом забытом месте остатки верблюжьих колючек, чтобы как-то обогреть свои глинобитные мазанки. Скорее, мистический ужас гнал сам этот небольшой отряд всадников от крепости на высокой горе, бывшей для них когда-то цитаделью.

В середине конного отряда на белом арабском скакуне, плотно закутанный с головы до ног в иссиня-черные одежды, с прицепленными к широкому поясу краями такого же черного плаща, скакал Рук-ад-Дин Хуршах, последний из правителей исмаилитского государства, носящий таинственное звание Шейх аль-Джабаль, известный у латинян как Старец

Горы. Уже столько лет он носил это гордое звание главы исмаилитского государства, что стал забывать свое имя, данное ему от рождения. Да и в ближайшем окружении никто и не помнил его настоящее имя, поскольку звание правителя позволяло ему быть выше устоявшихся веками традиций помнить имя своего рода, имя отца, да и в хвалебных дополнениях к любому званию восточного правителя – «всемилоостивейший», «наимудрейший», «наисветлейший» – не было никакой надобности. Жители и последователи великого учения низаритов знали, что он мудрейший, светлейший и всемилоостивейший.

Сопровождали Старца Горы его ближайшие соратники и несколько человек личной охраны – лучшие из лучших хашашин, кому удалось пробиться из окруженного со всех сторон Аламута. Всего числом их было двенадцать, и в этом была злая ирония. Как человек религиозно и философски образованный он не мог не провести параллели с учением своих кровных врагов, этих варваров-христиан, чей Пророк тоже в свои трудные дни остался с двенадцатью своими учениками и последователями. Неужели и здесь Промысел Божий? Но за что такая напасть? Неужели это месть Создателя за те подлые соглашения, которые были заключены его предшественниками с латинянами-крестоносцами, по заказу которых верные хашашины убивали визиров-единоверцев в Сирии и Палестине? И откуда взялись эти орды монголов, которые вначале захватили форпост исмаилитов – Хорасан,

затем, разбив армию верного Джалал ад-Дина, опустошили Нишапур, Дамган и Меликпур и, взяв себе в проводники христиан-несторианцев, направились в исконные исмаилитские владения в Кухистане? Может быть, монголы под влиянием несторианцев тоже приняли христианство и это новый Крестовый поход против мусульман, только уже не с Запада, а с Востока? За что ему такая Божья кара?

Старец Горы был растерян и не находил ответа на все вопросы, которые постоянно возникали в его голове. Все крепости исмаилитов пали. В Кухистане осталась только одна крепость – Гирдекух, но сколько она выдержит под натиском такой несметной орды? Откуда вообще эта «желтая саранча» на головы правоверных мусульман? И куда от них бежать? В Палестину? Там исмаилитский форпост в Нимруде. Или в Сирию? А может быть, ещё дальше – туда, куда убежал в свое время Джалал ад-Дин, – в Дели? В Индии много последователей исмаилитов-низаритов... Его там примут достойно. Он не какой-то там выбранный на правление халиф, а Шейх аль-Джабаль – Аллахом посланный своим верным ученикам верховный «Даи».

Они скакали уже достаточно долго, чтобы быть уверенными, что от возможной погони они оторвались, но Старец Горы периодически оглядывался, бросая взгляд на восток, где навсегда остался некогда цветущий Аламут. Убедившись в очередной раз, что преследования нет, он дал приказ остановиться и дать отдохнуть коням. Недалеко от этого места

была небольшая караванная стоянка, где из неглубокого кяриза можно было достать воды. Пока кони пили из неглубоких, местами потрескавшихся деревянных корыт, всадники проверили подпруги и небольшой груз, привязанный к крупу коня, скакавшего без всадника, но всегда рядом с конем Старца Горы. Этот небольшой груз – все, что удалось захватить из библиотеки Аламута. Старец Горы не взял с собой ни драгоценности, ни мистические обереги, ни брикеты опиумного мака, поставляемого в Аламут из далекой Ошской долины от братьев-исмаилитов. Он отобрал из библиотеки семь томов, сшитых из хорошо обработанной воловьей кожи. Он бы взял больше, но обстоятельства были таковы, что и эти семь томов могли помешать стремительному прорыву через монгольскую охрану, так что книги, где описывались «чудеса» всех Старцев Горы, начиная от Хасана ибн Саббаха, а также рецепты их повторного явления при необходимости, используя спецэффекты и систему зеркал, а также философско-религиозные рассуждения правильности выбранного исмаилитами-низаритами пути следования учению Пророка, он оставил на милость победителям, заранее зная, что монголы все сожгут. Но эти книги он оставить не мог. Это были книги, которые послужат охранной грамотой для всех будущих Старцев Горы и их верных фидаинов, которых латиняне называли ассасинами.

В библиотеке, собирать которую начал еще сам Хасан ибн Саббах, были уникальные манускрипты по математике, аст-

рономии, ирригации, военному делу, медицине. Была даже уникальная «Книга об управлении государством» самого Низама аль-Мулька, руководившего финансами и экономикой сельджуков, за которую он и поплатился жизнью. В секретном разделе своей книги он раскрыл тайны ведения вербовочной работы соглядатаев, подготовки дворцовых переворотов и методы противодействия им. То есть раскрыл то, на чем должна была держаться власть его школьного друга, будущего владыки исмаилитов Хасана ибн Саббаха. Саббах этого своему другу простить не смог, и верные ассасины закололи его, когда он шел с караваном из Исфахана в Багдад. «Многие знания несут многие печали» – так говорили ещё древние.

Среди книг были и такие, которые содержали секреты самого Хасана ибн Саббаха. Они, конечно, лежали в библиотеке в отдельном помещении, и читать их могли только следующие за Хасаном ибн Саббахом правители Аламута. Там, в частности, Хасан рассказывал о своей системе подготовки двойников из числа верных федаинов, с помощью которых он устраивал религиозные мистерии с «самосожжением». То есть на глазах верных федаинов он сгорал в огне огромного костра, а на следующее утро как ни в чем не бывало выходил к правоверным в добром здравии с улыбкой на челе. Сгорал, конечно, его двойник, но об этом знали лишь единицы, да и те очень недолго.

Идея с двойником очень нравилась Рук-ад-Дину Хурша-

ху, он ее неоднократно использовал, пока позволяла спокойная размеренная жизнь в Кухистане и Мазендеране. Но с приходом на земли исмаилитов полчищ этих неверных монголов невинные игры в мистические появления правителя Аламута одновременно в разных местах пришлось прекратить. Монгольский хан Хулагу, внук Чингисхана, руководивший войсками, особо не церемонился и дал всего несколько дней на то, чтобы Хуршах лично прибыл в его Ставку и сдал крепость, которую монголы осаждали уже несколько месяцев. Старец Горы мог еще продержаться в Аламуте некоторое время, но у него не было никакой надежды на то, что прибудет подмога из далекой Сирии или Ливана от единоверцев-мусульман.

Он давно уже рассорился со всеми суннитскими халифами и шиитскими шейхами и помощи от них не ждал. Да еще эти два перса в его ближайшем окружении – Насир-ад-Дин и Муаффин-ад-Доуле – так настроили уставших и голодных офицеров его дворцовой гвардии, что все склонялись сдать на милость победителю. Какая милость у этих безбожных монголов? Конечно, этим двум персам жизнь они сохраняют: один из них – хорошо известный в подлунном мире врач, а второй – ученый. Но зачем сохранять жизнь бывшему правителю захваченной страны? Такого никогда не было и не будет... Примут от него почетную сдачу крепости, под страхом пыток получают от него все интересующие сведения и под благовидным предлогом (а может быть, и без предлога – за-

чем победителю предлог?) отрубят голову. И это в лучшем случае. А скорее всего, посадят на бамбуковый кол и оставят умирать у дороги, по которой будут двигаться дальше на запад на своих коротконогих лошадях орды узкоглазых завоевателей.

Хуршах решил на милость победителю не сдаваться. В конце концов, сколько раз его выручал этот фокус с двойником – и все верили. Поверит и хан Хулагу. Тем более поверят, когда они придут в его Ставку в сопровождении этих двух персов. Они-то про двойника ничего не знают и будут полностью уверены в подлинности происходящего. А его верный Хашим по его приказу сделает попытку убить Хулагу при первой же встрече. И будет тут же убит сам... Но он, Рук-ад-Дин Хуршах, будет уже далеко. Надо только правильно рассчитать время, когда делегация из крепости Аламута выедет в Ставку Хулагу. Осада крепости будет ослаблена, и тогда можно вырваться из окружения.

Хуршах в библиотеке выбрал семь книг, в которых велись записи еще со времен первого правителя исмаилитского государства и куда подробнейшим образом записывались все заказы на политические убийства, поступавшие от крестоносцев, в том числе и на территории Европы. Кто заказал убийства, сколько за это заплатили и когда заказ выполнен. Также в одной из книг подробнейшим образом были описаны места в карстовых пещерах Иордании, в которых по заказам тех же крестоносцев верные фидайны Старцев Горы пря-

тали награбленное крестоносцами в своих походах «за Гробом Господним» на землях правоверных мусульман. Конечно, все записи были строго зашифрованы и шифры передавались от правителя правителю, но Аллах велик и он даст время подготовить себе замену и передать эти книги и тайны их правильного прочтения своему преемнику. Все в руках Аллаха, все в его воле. А новых, бесконечно преданных ему ассасинов он еще подготовит. Дело, конечно, не быстрое, уйдут годы, но Хуршах всю методику подготовки знал досконально – от первого до последнего шага – и был уверен, что через несколько лет боевой отряд верных федаинов вырастет из этих двенадцати в несколько сотен.

Шейх аль-Джабаль Рук-ад-Дин Хуршах последний раз посмотрел в быстро темнеющую даль Мазендеранской степи, вскочил в седло, и отряд, с ходу перейдя на галоп, поскакал догонять уходящее за горизонт солнце.

Глава первая

Апрель 2015 г. от Р. Х.,

Москва, ул. Большая Лубянка, д. 1/3

Боже, как бежит время! Не успеешь оглянуться, вся жизнь в легкой дымке маячит последним вагоном уходящего поезда. И с поездом убегают вдаль страсти и ожидания, сомнения и восторги, планы и разочарования. И только в голове постукивает в висках от повышенного кровяного давления, словно колеса на стыках убегающих лет.

Черняев «досиживал» в сером доме до своей полной отставки. Ему уже несколько раз продлевали контракт, учитывая прошлые заслуги на поприще борьбы с иностранными разведками. Но всему есть предел, тем более что сверху была установка на омоложение руководящего состава оперативных подразделений. Из руководящего состава его перевели в группу советников, и его это вполне устраивало – ответственности практически никакой, а поучить молодежь «скалить зубы» и «делать стойку» при ловле лис, как он привычно называл сотрудников иностранных разведок, ему еще было под силу. Тем более что в последние годы работы у контрразведки прибавилось. С годами прошла либеральная любовь «взасос» с разведками «лучших друзей» России – ЦРУ, МИ-5, БНД и ДСТЭ – и прибавилась еще куча маленьких «лисят» из числа новых членов НАТО. Так что работы

хватало, в том числе и Черняеву.

Окна кабинета, где сидел Черняев, выходили на площадь. Раньше, давно уже, там стоял памятник Железному Феликсу, но вот уже четверть века как «рыцаря революции» убрали подальше с глаз демократически возбужденной публики, поместив в компанию таких же ненавистных ей монстров совкового монументального искусства. Не снесли, правда, памятники основоположникам исторического материализма. И русофобы Энгельс и Маркс, как и прежде, украшают площади древней столицы. Оно и понятно: немцы, Европа. Но ведь и Феликс тоже вроде как Европа – поляк все же... Под такие грустные мысли Черняев кемарил иногда в своем кресле, разомлев под солнышком, пригревавшим его через большое строго квадратное окно.

Неприятный звук телефона правительственной связи разбудил его в момент сладостного погружения в нирвану недосмотренного ночью сна. В своем ночном сне он плавал в теплой морской воде, рассматривая на далеком дне дивные ракушки. Вот и сейчас он медленно плыл, лениво перебирая руками в сторону острова, заросшего тропической флорой, и неожиданный звук звонящего телефона оборвал сон в тот момент, когда он уже почти достиг берега. Прогнав остатки сновидения, Евгений Владимирович неторопливо потянулся, поднял трубку и представился по форме. Звонил начальник Департамента контрразведывательных операций, в ведении которого и находилась группа советников – зубров

российской контрразведки. Несмотря на большую разницу в званиях, Черняев позволял себе некоторую фамильярность в разговоре с Сергеем Афанасьевичем, поскольку по молодости в операх бегали где-то рядом, правда в разных отделах. Да и начальник департамента особо не любил официально-канцелярский стиль общения с подчиненными, особенно со сверстниками. Тем более что их осталось в департаменте столько, что можно было и не считать – пальцев одной руки вполне бы хватило.

– Владимирович, чем сейчас занят? – Голос начальника департамента был легко узнаваем и всегда нес в себе нотки доброжелательности.

– Да вот, обдумываю тезисы аналитического документа за квартал, – с лёгким сердцем соврал Черняев.

– Помнишь, как говаривал Костыря: «Брось всё и займись чем-нибудь». Ладно-ладно, я пошутил. Зайди ко мне сейчас. Тут по твою душу из разведки пришли.

Идти было недалеко – начальник департамента сидел на том же этаже, что и группа советников, только на другом конце коридора. Пока Черняев преодолевал это небольшое расстояние, в голове у него, как в хорошем компьютерном центре, пронеслись все ранее проведенные совместные с разведкой операции за то время, как жизнь вынудила его перейти из разведки в контрразведку. Дел было немного, да и те давно уже были в архиве. Еще пару десятков лет, и гриф секретности с них можно было снимать. А возобновлять де-

ло «по вновь открывшимся обстоятельствам» в разведке было не принято. Они все же спецслужба, а не надзорный орган и не сыск. Так и не найдя причину интереса к собственной персоне, Черняев, кивнув дежурному офицеру приемной, открыл без стука дверь и вошел к Сергею Афанасьевичу.

За длинным столом, за которым обычно проходили оперативные совещания и который иногда накрывался для отчисления заметных событий, сидели трое. Двое в строгих костюмах «Хьюго Босс» и напротив в мундире генерал-полковника хозяин кабинета. Черняев видел своего непосредственного начальника в военной форме второй раз в жизни – первый раз это было, когда они вот за этим столом обмывали это высокое звание, – и был несколько удивлен. Сергей Афанасьевич относился к своему высокому генеральскому званию как неотъемлемому атрибуту высокой должности и никогда особо не слепил своих подчиненных блеском золотых погон. И как человек проницательный, он правильно понял удивление на лице полковника Черняева и, прежде чем пригласить его к столу, негромко, но так, чтобы было слышно всем, сказал:

– Мне через час выступать на совете ветеранов, так что времени у нас немного. Давайте сразу к делу.

Евгений Владимирович сел на стул, любезно отодвинутый от стола рукой начальника департамента, и теперь сидел рядом со своим начальником как раз напротив людей в штат-

ском. Прежде чем их представили друг другу, Черняев узнал одного из гостей и даже вспомнил, что его зовут Владимиром, и вспомнил даже его псевдоним в разведывательном институте, когда они вместе там учились. Конечно, за эти тридцать лет он сильно изменился – полысел и прибавил солидности, – но глаза и улыбка, с которой он смотрел на Черняева, остались прежними. Евгений Владимирович понял, что его визави тоже вспомнил своего однокашника, и улыбнулся ему в ответ. Это не прошло незамеченным у начальника департамента, и тот, хмыкнув, спросил:

– Ну что, мне вас представить или узнали друг друга?

– Лучше представить. Володю я помню, а вас, простите, – обратился Черняев ко второму гостю, – не помню, хотя такое чувство, что где-то пересекались.

– Пересекались. Один раз. В Бейруте. Я вам передавал венгерские паспорта перед вашим экстренным отъездом из Ливана. Мимолетная встреча по паролю.

– Точно! – Черняев всплеснул руками. – Тогда вы носили бородку. И на плечах у вас был платок-арафатка.

– У вас хорошая память, Евгений Владимирович. Прошло уже больше двадцати пяти лет. И если не ошибаюсь, были тогда уже густые сумерки... Ну вот, спустя четверть века и познакомимся – Сергей Николаевич. – Он протянул руку, и Евгений Владимирович ее крепко, от души, пожал.

– Владимир Александрович. Для тебя, Женя, просто Володя. – Второй гость тоже протянул руку, привстав со стула.

Евгений Владимирович тоже встал, обошел стол, и они крепко обнялись. Генерал-полковник смотрел на все с ироничной улыбкой, однако разыграть эмоции не дал, напомнив, что у него мало времени.

– Сейчас обсудим суть вашего вопроса, а детали проработаете без меня в удобном для вас формате.

– Суть вопроса вот в чем, – взял на себя инициативу Сергей Николаевич, очевидно старший в этой маленькой группе. – В середине февраля в порт Ходейда в Йемене зашел с разгрузкой турецкий сухогруз. Пришел он из Одессы с грузом легкого стрелкового вооружения и ракет для танков и бэтээров. Сами понимаете, без американского контроля груз из Одессы при нынешнем киевском правительстве из порта выйти не мог. Однако получателем груза оказались вовсе не сторонники прежнего президента Йемена, которого поддерживают саудиты, а шиитские группировки, которые как раз и воюют против войск Саудовской Аравии. Но это не самое интересное. Дело в том, что через свои возможности в одну из укрупнок еще на складе под Одессой нам удалось поставить метку, и в ходе контроля прохождения груза выяснилось, что часть груза была морем отправлена в Карачи, а оттуда, под видом гуманитарной помощи, доставлена в северо-восточную часть Пакистана, в Читрал.

– Очень похожую схему американцы использовали при перемещении военных грузов по громкому когда-то делу «Иран-контрас». – Черняев хмыкнул то ли от возмущения

ния действиями американских спецслужб, то ли от удовольствия, что ничего в мире спецслужб особо не меняется. Все происходит так же, как и четверть века назад.

– Мы читали ваши отчеты того периода, Евгений Владимирович. Вы же тогда по линии внешней разведки разрабатывали один из возможных каналов доставки американского оружия в южные районы Ирана. Если помните, вы тогда активно занимались изучением молодого бойца шиитской группировки «Хезболла» в Ливане, некоего Абдул-Вали.

– Да, занимался. Но не Абдул-Вали нас тогда интересовал, а его двоюродный брат, занимавший в то время небольшую должность в таможенной службе. И там все было не так просто...

– Мы уже поняли, что все было совсем не просто. Материалы, собранные в отношении его двоюродного брата, из литерного дела исчезли. Вместо них подшит листок-заместитель. По нему выяснилось, что материалы были изъяты по разрешению заместителя начальника управления и по просьбе ученого совета Академии ФСБ для подготовки закрытой диссертации на тему...

– Я смотрю, уже пошло серьезное обсуждение деталей. А где детали, там и секреты. – Генерал-полковник встал. – А мне ваши секреты не нужны. Мне и своих по горло хватает. Так что у меня просьба: либо оставляю вас у себя в комнате отдыха и прошу помощника обеспечить вас чаем, либо идите в кабинет к полковнику Черняеву и там сидите хоть до утра.

Чай и плюшки вам принесут из буфета. Я распоряжусь. А мне, извините, пора к ветеранам...

* * *

Расположившись в небольшом, но уютном кабинете Евгения Владимировича, и подождав, пока официантка из буфета, все разложив на журнальном столике, вышла, продолжили разговор.

– Я знаю тему диссертации и знаю диссертанта. Это Дима Марченко. Он учился курсом позже нашего. После окончания Высшей школы КГБ был в командировке в Афганистане. У него был хороший язык пушту и прекрасный дари. После Афгана его взяли на кафедру в высшую школу... То есть, извините, тогда уже в академию, и он решил защищаться по теме «Философские основы учения исмаилитов, их различия в трактовке различных течений и учет их в оперативной работе». Кандидатскую он защитил, я был одним из оппонентов, но голосовал за. Он получил тогда два черных шара. Первоначально тему ему утвердили в середине девяностых. Тогда никому дела не было до таких тонкостей нашей профессии, как философские основы исламских учений, и, думаю, ему только поэтому удалось из архивов разведки запросить материалы по шиитским и исмаилитским группировкам. Не знаю, как там было в разведке, я вынужден был покинуть вашу уважаемую организацию в девяностом... Обстоятель-

ства, я надеюсь, вам известны... Но в контрразведке в начале девяностых такое творилось, хоть святых выноси... Что, собственно говоря, и происходило – выносили все святое, наплевав на секретность, конспирацию, ум, честь и совесть.

Помолчали. Черняеву стало неловко за свой излишний эмоциональный срыв, и он достал из сейфа бутылку хорошего коньяка и три пузатых фужера.

– Это к чаю... Так вас интересует, куда девался материал из литерного дела? Так его можно найти через секретариат академии. Наверняка подшит где-то за ненадобностью. А вернуть, как это часто бывает, забыли.

– Нет. – Сергей Николаевич взял из рук Черняева бутылку, посмотрел на этикетку, одобрительно покачав головой. – Материалы из архивного дела нас особо не интересовали, хотя мы их все-таки нашли. Как вы правильно сказали – их подшили и забыли. И хранились они, кстати, не с должной степенью секретности. И хотя там отсутствуют настоящие имена всех фигурантов, а только «кавычки», поступать так с материалами разведки крайне небрежно.

– Согласен, но я вам уже объяснил, какая тогда была обстановка. – Черняев почему-то чувствовал себя виноватым, хотя не имел к этому инциденту никакого отношения.

– Вы, кстати, знаете дальнейшую судьбу Марченко?

– Знаю, он погиб пять лет назад в Таджикистане.

– Да, правильно. – Сергей Николаевич всем разлил коньяк на доньшки фужеров. – И, прочитав вашу справку из того

литерного дела, думаю, что не просто так.

– Я тоже об этом думал. Изучая Абдул-Вали и его двоюродного брата, я получил информацию о том, что они оба входили в братство фатимидов исмаилитского направления. Информация была первичной и больше ничем не подтверждалась, поэтому я в справке и написал об этом как о своем предположении. Там же, если вы читали, я предположил, что они оба являются сотрудниками возрожденного исмаилитского ордена Хасасинов. Этот орден столь секретен, что любой человек, получивший хоть какую-то информацию о его существовании, а тем более о его конкретных сотрудниках, по условиям жесткой конспирации ордена должен быть уничтожен. Возможно, Марченко там, в Таджикистане, и ляпнул что-то в кругу своих новых таджикских друзей... Исмаилитов в Таджикистане хватает, особенно в Горном Бадахшане на Памире.

– А что его в Таджикистан-то понесло?

– Что и всех – желание заработать. Он дослужился до подполковника. Квартиру от академии так и не получил. Зарплаты тогда были не такие хорошие, как сейчас. Кто-то из знакомых предложил место начальника службы охраны в российском банке в Душанбе. Деньги обещали большие, вот он и уволился, благо выслуга позволяла. Проработал он там два года, иногда звонил по старой памяти, а потом пропал. Тело нашли в Варзобском ущелье – это место, куда душанбинцы выезжают по весне на шашлыки. Сказали, что был

нетрезв и сорвался с узкой тропинки.

– Да, выглядит правдоподобно. – Владимир Александрович молча выпил коньяк. Остальные последовали его примеру.

– Так в чем суть вашей просьбы? Ради чего приехали-то? – Евгений Владимирович никак не мог поймать суть проблемы.

– Начну я издалека, – Сергей Николаевич разлил еще немного в фужеры. – А Владимир Александрович расскажет детали. Итак, часть оружия была переброшена из Карачи в Читрал. Там рядом киргизский Ош, таджикский Бадахшан. Там же маковые поля... Нет, не с того я начал. По нашим оперативным данным, в ближайшие год-два на всей прилегающей к бывшей границе Советского Союза территории начнутся активные военные действия. Желających взорвать этот регион больше чем достаточно. Это и Турция, и Кувейт, которые хотят свести на нет все попытки поставок туркменского газа в Китай через Афганистан и Пакистан. Это и Штаты, которые все делают, чтобы лишить китайцев спокойной жизни в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. И Пакистан, который хочет отвлечь талибов от своих центральных районов на север. Короче, у всех свои интересы в этом регионе. Как вы знаете, в настоящее время в рамках Шанхайской организации сотрудничества разрабатываются обширные экономические программы по развитию этого региона – начиная от воссоздания так называемого Шелкового пути до раз-

работки редкоземельных металлов и создания единой энергосистемы. Так что наш интерес – поддержание стабильной обстановки в этом регионе без вмешательства туда деструктивных элементов.

– Это все понятно... «Поддержание стабильной обстановки» в вашем контексте звучит как общестратегическая задача далекого будущего, поскольку прежде, чем что-либо поддерживать, надо вначале стабилизировать. Вы не столь наивны, чтобы не понимать, для чего американцы оставили в Афганистане такое количество своих советников и военных баз. Так что про стабилизацию забудьте. Давайте спустимся со стратегических высот на нашу грешную землю и поговорим о реальных задачах и планах на сегодняшний день. Итак, Сергей Николаевич, давайте не будем ходить вокруг да около... Что конкретно вы хотите получить от Департамента контрразведывательных операций и от меня лично?

– Что касается Департамента контрразведывательных мероприятий, то об этом еще рано говорить. Если все пойдет так, как мы планируем, то, конечно, с ДКРО мы отработаем совместный план действий. Причем весьма детальный... А от вас нам надо одно – чтобы вы восстановили контакт с Абдул-Вали.

– С Абдул-Вали? – Евгений Владимирович давно уже отвык чему-либо удивляться за годы своей более чем интересной работы, но сдержатъ свое удивление не смог.

– Да, с Абдул-Вали. Дело в том, что он руководил разгруз-

кой танкера в порту Хадейда и по его указанию часть груза направлялась в Читрал. По нашим данным, сейчас он является руководителем направления по поддержке исламского движения в Среднеазиатских республиках бывшего Союза. То есть мальчик вырос до уровня регионального руководителя исламского фронта на границах Таджикистана, Узбекистана и Киргизии.

– Почему я? У вас что, люди с опытом перевелись? Прошло уже четверть века, он меня уже забыл. – Черняев развел руки в стороны, не находя ответов на вопросы, которые он задавал как бы Сергею Николаевичу, но на самом деле он спрашивал самого себя, просто высказал все это вслух.

– Не забыл. Люди нашей профессии имеют долгую память. А он человек нашей профессии. Тем более что легенда, по которой вы выходили на него, была более чем оригинальная и он должен был запомнить «таджика» из Горного Бадахшана, разыскивающего родственника, пропавшего в Иране по пути в Кербелу.

– На тот период эта легенда была актуальна. Тогда редко кому из советского Таджикистана удавалось совершить хадж к святому для шиитов месту через территорию Афганистана, где шла война, и Ирана, который относился к нам крайне враждебно. Тем более что человек, которого я разыскивал по легенде, существовал реально и реально направлялся нами в Кербелу по этому маршруту. – Евгений Владимирович помнил все детали той операции и мог рассказать ее разви-

тие шаг за шагом. Конечно, Черняев помнил всю операцию в деталях, ведь это была его первая и, к сожалению, последняя операция в разведке. После окончания разведывательного института он попал в Управление нелегальной разведки и какое-то время в Институте востоковедения Академии наук работал младшим научным сотрудником, готовя статьи по истории распространения ислама в регионы Средней Азии. Конечно, работал он под чужим именем и даже почту получал на адрес Института от таджикских «родственников». Дорабатывать легенду он поехал в Таджикистан, где объездил все кишлаки, якобы собирая материалы по истории распространения ислама в условиях труднодоступной местности Горного Бадахшана. Там, в горном кишлаке, он познакомился с Абдул Мумином, молодым, но уже авторитетным улемом местной уммы, то есть богословом местной мусульманской общины.

Встретили его в горном кишлаке весьма настороженно, поскольку имя отца (естественно, подобранное по легенде) уже ничего не говорило местным жителям, но кто-то из местных белобородых стариков вспомнил, что дед был из этих мест, но очень давно покинул аул в поисках лучшей доли и уехал в Ташкент. То есть отработка легенды прошла в целом неплохо и его приняли как блудного сына, тем более что теперь он в далекой Москве занимался святым делом – проповедовал ислам через статьи в научных журналах. Более того, его приобщили к местной умме (мусульманской общи-

не), поскольку саляты (молитвы) он знал на арабском языке, а хитан (обрезание) ему сделали в военном госпитале на Пехотном, когда стало известно его основное направление службы в нелегальной разведке. Более того, он сразу завоевал авторитет, когда правильно принял тяжелую книжку Корана из рук того самого улема, приложив ее вначале ко лбу, затем поцеловав корешок книги и только затем приложив ее к сердцу. В те уже далекие времена мало кто правильно соблюдал все тонкости религиозного обряда. Единственное, что портило картину его правоверности, было то, что он допустил оплошность, приняв местную умму за последователей одного из основных направлений в исламе – шиитов, но ему простили это, поскольку в далекой Москве, как полагали местные мусульмане, все они на одно лицо. Хотя и объяснили, чтобы он впредь четко уяснил, что они – низариты, то есть исмаилиты, а это не совсем то, о чем ему рассказывали в далекой Москве о шиитах и суннитах.

Позже, уже в Москве, анализируя свое поведение как «правоверного мусульманина», он удивлялся тому, сколько наделал ошибок и как много тонкостей надо знать, чтобы чувствовать себя в мусульманском обществе своим человеком. Однако задачу он свою выполнил – засветился в далекой, но активной мусульманской общине, оставив о себе хорошие воспоминания в местной религиозной среде. Тем более что ему «удалось» выполнить просьбу Абдул-Мумина и включить его через свои возможности в Москве в число вы-

езжающих на хадж. Конечно, все это было элементами единого плана по отработке его появления в Бейруте – поиску родственника-улема, а на самом деле попытки подставиться на вербовку шиитской группировке и заинтересовать их своими возможностями и связями в таджикском приграничье для организации боевых групп. И все по ходу операции шло так, как было прописано в разработанном Центром плане, однако в тот самый момент, когда с Абдул-Вали была достигнута договоренность о встрече с его братом, входящим в руководящее звено местного крыла «Хезболла», поступила информация о том, что сотрудник их отдела решил остаться в Израиле. А это значило, что с ним стала активно работать израильская разведка МОССАД со всеми вытекающими последствиями для сотрудников нелегальной разведки на Ближнем Востоке. Всех сотрудников, кого лично знал или мог знать убежавший в Израиль Сергей Семенович Бойко, выводили из оперативных разработок и возвращали на Родину. Поскольку Сергей Семенович знал Евгения Владимировича очень хорошо и в общих чертах знал область профессиональных интересов Черняева, в Центре предположили, что его-то Сергей сдаст МОССАДу в первую очередь. Не зная на тот момент всего объема сданной предателем информации, но хорошо зная оперативные возможности МОССАДа в Бейруте (а в то время там из иностранных разведок не работала, наверное, только разведка Габона), было решено выводить Черняева под другим паспортом, чтобы его не за-

хватали на границе под благовидным предлогом и не увезли куда-нибудь на секретную базу в пустыне Негев.

Из Ливана на родину, в Будапешт, вылетел венгр Ласло Кун, а таджик с советским паспортом на имя Эмомали Валиева, приехавший по частным делам в Бейрут два месяца назад, так из Ливана и не выехал. По крайней мере, никаких данных на паспортном контроле на это имя зафиксировано не было. Позже по линии МИДа советская сторона направила запрос о судьбе гражданина СССР в ливанский департамент и получила обтекаемый ответ о многочисленных усилиях, которые ливанская сторона примет для прояснения местонахождения очередного советского невозвращенца.

О причинах своего экстренного возвращения в Москву Черняев узнал только в Центре. Конечно, он сильно переживал провал всей задуманной операции, результат которой, как ему казалось, должен был быть наилучшим в складывающейся обстановке. Он прекрасно понимал: в случае удачного внедрения начались бы многочисленные проверки, в том числе и в боевой обстановке в горах Афганистана. Но на тот период начался вывод советских войск, и он надеялся на то, что ему в ходе проверки не придется стрелять в советских солдат, поскольку была достигнута договоренность мирного вывода советских войск. Но он был готов на любую проверку... Был готов... Но вот так получилось. Причем это был уже не первый случай ухода к противнику офицеров советской разведки, давших присягу родному государству. Род-

ному ли? Если сам генеральный секретарь компартии, первый человек государства, говорит о Родине уничижительно: «В этой стране», – то чего ждать от молодых людей, воспитанных в московских вузах на фронде презрения к «Совку» и руководящей роли партии – «единственно верного политического учения», хотя у многих родители как раз и кормились продпайками обкомовских распределителей. Страна болела. Единого социального организма больше не было. Были многочисленные группы политически мотивированных «гласностью» людей, которые тянули общество каждый в свою сторону в меру понимания своего «светлого будущего» на огромной территории некогда единого государства. Но, как говорили в то время умные люди, «если в голове два противоположных мнения, то это уже шизофрения». Но в стране было гораздо больше мнений, а «плюрализм» для людей, привыкших десятилетиями жить единым мнением единственной партии, был сродни венерическому заболеванию, привнесенному необузданной любовью к западным ценностям.

Евгений Владимирович понимал, что его экстренное возвращение в Москву – это конец его романтическим надеждам внести свою лепту в историю противостояния российской и британской разведок на просторах Средней Азии. Кем он себя мнил в этой «большой игре»? Капитаном Николаем Муравьевым – любимцем Ермолова, который с фальшивыми документами под видом мусульманского паломника со-

вершал секретные миссии на территории Персии? Или разжалованным майором Виткевичем, направленным в Тегеран и Бухару с секретной миссией графом Нессельроде? Нет, конечно. Он был капитаном Черняевым, но миссия его была не менее секретная, и действовать он должен был в тех же горах Гиндукуша, Памира и Читрала.

Он знал, что последует за его возвращением в Москву – долгие месяцы безделья, пока не закончится служебная проверка аналитическими службами нанесенного ушедшим в Израиле майором Бойко ущерба позициям разведки на данном направлении. А затем откомандирование на долгие годы (если не до конца службы) его, капитана Черняева, в подразделение «РТ», что расшифровывалось как «разведка с территорий». То есть с позиций Калужского музея космонавтики имени Эдуарда Циолковского он будет заниматься изучением интересующих разведку иностранцев, приехавших на пару дней удивиться гению российской космонавтики, стоявшему у колыбели всечеловеческой мечты. Или что-то в этом роде... Сколько уже таких вот «погорельцев» на просторах родной страны занимались скучной рутинной, далекой от романтической, полной героических преодолений разведывательной работы во враждебном окружении. Работы, к которой их готовили годами... Сколько времени, сколько усилий...

Тогда Черняев был в полном отчаянии и, нарушив этику сотрудника разведки, рассказал в общих чертах о своих

проблемах приятелю, с которым вместе заканчивали Высшую школу КГБ. Приятель этот после окончания был распределен в контрразведку, куда, собственно говоря, и планировался изначально. Александр был абсолютно доволен таким распределением. В нечастых встречах, когда они выходили вдвоем покурить на веранду родительской дачи, на которую его приятель с женой приглашали Евгения в тщетных попытках устроить его личную жизнь и закончить с этим «неприличным холостякством», Александр, смеясь, рассказывал о казусах, случавшихся на дипломатических приемах и в коротких командировках по стране и за рубежом, и выглядел абсолютно счастливым человеком. Он даже не понял сразу глубину личной профессиональной трагедии Евгения. И только тогда, когда Черняев ему сказал, что его командировка прервалась из-за предательства сотрудника их отдела, Александр, как профессионал, все понял и, разлив водку по рюмкам, сказал: «Жень, жизнь продолжается... Что-нибудь придумаем».

Из разведки в контрразведку Черняев переходил тяжело. Его не хотели отпускать, обещали лет через пять, когда все уляжется, вернуть в линейный отдел на прежний участок, но он был непреклонен. Взвесив все за и против, он решил не гоняться за призрачными надеждами «еще раз войти в одну и ту же реку». Да и о личной жизни пора было подумать...

– Мы через наши возможности отслеживали деятельность Абдул-Вали за эти годы, и, кстати, он первое время после

вашего отъезда пытался вас найти. – Слова Сергея Николаевича вернули Черняева в реальность происходящего в его жизни почти через тридцать лет закрытой для него навсегда темы.

– Вы сами-то понимаете авантюренность всего вашего предложения? – возмутился Евгений Владимирович.

– Понимаем. Но у нас нет времени. Нет времени подготовить легенду нового человека для подставы. Вы же сами прекрасно знаете, что с приходом во власть Ельцина работа разведки была сокращена почти на две трети. Отсутствие финансирования, а главное, отсутствие политической воли парализовало работу практически всех резидентур за границей. Да, Примаков как мог защищал внешнюю разведку, но Евгений Максимович не Господь Бог! Спасибо, что хоть это сохранил... Вы работали в разведке и знаете, что создание позиций – дело не одного года. С приходом Путина стало более-менее полегче, но за предыдущие годы мы потеряли практически все позиции и все начинаем сначала. С поиска низовых чиновников паспортных отделов министерств внутренних дел для получения чистых бланков, а также с приобретения позиций в префектурах, где можно изъять дела на безвременно почивших в бозе младенцев... Легенда, знаете ли, должна быть отработана со дня рождения и подтверждаться документально – с архивами там умеют работать. Да что я вам объясняю!

– Не надо мне ничего объяснять. Я все это знаю, тем бо-

лее что в контрразведке все было гораздо хуже. У нас не было своего Примакова. У нас были Бакатины да Грушко с Галушками... Я вас спрашиваю о реальной легенде, под которой я вновь появлюсь через тридцать лет перед Абдул-Вали. Тем более, насколько я знаю, еще МИД СССР запрашивал о пропавшем в Бейруте Эмомали Валиеве.

– Легенду мы вам пропишем. – Сергей Николаевич поднялся с дивана. – Мы уже думали над этим. Можно будет сказать, что коварные органы КГБ вывезли вас тайно из Ливана, когда узнали об истинной цели вашего приезда в Бейрут, и в «Мордовлаге» вы отсидели по шестьдесят четвертой статье до распада Советского Союза, а затем по амнистии выехали в Таджикистан, на историческую родину, где сменили фамилию и больше нигде не публиковались, а занимались организацией внутренней оппозиции президенту Эмомали Рахмону.

– «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», – помните поговорку?

– Помню. Сейчас уже поздно. Оформите, пожалуйста, нам пропуска в дежурной службе, а завтра я пришлю машину за вами, и в «Лесу» поговорим в спокойной обстановке. Вас никто не заставляет. Это всего лишь предложение профессионалу, который не забыл, как правильно проходить проверочный маршрут.

Они втроем вышли на лестницу большого серого здания, одетого в строгий мрамор и занавешенного у входа ажурной решеткой, и прошли на автостоянку у «Седьмого континента», где их ждал черный «Ауди». Для конца апреля погода стояла удивительно теплая. Уже не первый год Москва обходилась без весны, переходя в течение одной недели от зимних минусовых температур почти до летнего зноя.

– Сергей Николаевич, вы поезжайте, а мы с Евгением Владимировичем еще пройдемся, погода хорошая. Поговорить надо, давно не виделись. – Владимир Александрович обернулся к Черняеву. – Ты не против?

Конечно, Черняев был не против. Он просто обдумывал, как будет лучше: позвонить жене и сказать, что он сегодня будет поздно, или предложить Володе взять что-нибудь по дороге и посидеть дома на кухне, как бывало в молодости. Лучше бы, конечно, дома. Они с женой жили одни. Дочка с мужем и внучками жили на другом конце Москвы и бывали у них не так часто, как хотелось бы Евгению Владимировичу, и он старался вечерами на работе не задерживаться – жене тоже было тоскливо одной дома. Уговорить Володю поехать к нему домой и посидеть в спокойной обстановке оказалось делом более легким, чем это предполагал Черняев. Владимир Александрович сказал, что дома его никто не ждет – же-

на скончалась от инфаркта во время их второй длительной командировки в Ливию, а сыновья уже взрослые и живут отдельно. Внуков, правда, еще нет, и это немного расстраивает, а в целом он уже привык к такой жизни – ничто не отвлекает от работы. Не знает, правда, чем будет заниматься на пенсии, когда попросят в отставку. А ведь когда-то попросят...

Они зашли в магазин, взяли две бутылки «Белуги», скорее по привычке, поскольку понимали, что две бутылки уже не осият, мясную нарезку, что-то из овощей. Затем Черняев позвонил в дежурную службу и попросил дежурный автомобиль в порядке уважения к гостю из разведки и поехали в сторону «Речного вокзала», где последние пятнадцать лет Черняев проживал со своей женой Екатериной Михайловной и черной ласковой кошкой Дуней. После того как дочь вышла замуж и вылетела из родного гнезда трехкомнатная квартира казалась царскими палатами, но со временем они привыкли, тем более что ее «девичья» пустовала в ожидании приезда внучек и ареал проживания сократился до большой, но уютной кухни.

– Кстати, как раз у нас и заночуешь. Чего тебе в Ясенево переться на ночь глядя? Надо только Кате позвонить, не любит она экспромтов.

– Давай, только у цветочного ларька тормознем.

Катя, как истинная жена чекиста, сказала, что к их приходу на скорую руку сделает голубцы и наказала купить свежего хлеба, сыра и чего-нибудь к чаю. Так что к подъезду

они подъехали с букетом цветов и двумя полными пакетами разной снеди. Екатерина Михайловна с порога начала причитать: «Что же вы раньше не позвонили?.. Ой, спасибо! Какая прелесть!.. Дома немного не прибрано, но вы внимания не обращайтесь, проходите пока в гостиную. А я пока на стол собираю».

Евгений Владимирович хмыкнул, вспомнив анекдот про то, как жена пришедшего с работы мужика все суетилась и в конце концов нарвалась на грубость мужа. И как в анекдоте, Черняев шутливо прикрикнул на жену: «Не суетись!» Отнес пакеты на кухню, выложил все на стол, бутылки водки положил в морозильник, заглянул в стоящую на плите кастрюлю с доходившими до кондиции голубцами и пошел в гостиную, где жена показывала гостю фотографии внучек, стоявшие в рамках на полке электрического камина. Все трое еще раз умилились детским мордашкам с огромными вопросительными глазами.

– Ну все, мать, похвасталась – и хватит. Пошли на кухню. У нас встреча рабочая, разговоры будут длинные. Нет, ты не помешаешь, секретов никаких особых не будет, а послушать будет интересно. – Евгений Владимирович приобнял обоих и повел на кухню. Пока Владимир Александрович рассказывал Кате о райской жизни в Ливии при Каддафи, Евгений Владимирович все размышлял, как бы ему помягче сказать жене о его возможной командировке, как бы ее подготовить. Потом бросил это занятие: пока вопрос не решен, нечего и

волновать жену понапрасну. Черняев решил перевести разговор в плоскость их с Владимиром Александровичем общих интересов: вечер хоть и обещал быть приятным во всех отношениях, но Евгений Владимирович чувствовал, что Володя хотел с ним обсудить какие-то планы по предстоящей операции.

– Володя, а Сергей Николаевич сейчас какой участок «окучивает»? – Черняев решил выяснить сначала все интересующие его вопросы. – Если это, конечно, не секрет.

– Никакого особенно секрета, тем более от тебя, здесь нет. Недавно у нас создана оперативная группа по реагированию на все эти события, вызванные так называемой арабской весной. Собрали аналитиков, оперативников с опытом и пытаемся понять, куда эти вихри могут завести весь регион Ближнего и Среднего Востока. И к чему готовиться нам.

– И что, есть уже какие-то мысли?

– Мысли-то есть, но все больше грустные. Потушить этот пожар нам в одиночку не удастся, а объективные союзники либо локализованы в своих возможностях, либо не хотят вмешиваться в надежде, что их пронесет.

– Да уж! Если сейчас это решительно не остановить, то пронесет всех...

– К сожалению, не все это понимают. А если и понимают, то сделать ничего не могут: «Вашингтонский обком» сам уже не в силах просчитать результаты своей миссионерской деятельности. Теорию управляемого хаоса четверть века назад

разработал наш дорогой «друг» Збигнев Бжезинский. Как ты знаешь, согласно этой теории, на территории государств Ближнего и Среднего Востока обстановка должна была быть обострена до многочисленных военных конфликтов, а затем в этом военном «питательном бульоне» при помощи американских военных и дипломатических усилий будут созданы новые государственные образования, которые, по мнению американцев, будут более объективно отвечать этнически однородным массам, проживающим в этих странах, и, естественно, будут по гроб жизни благодарны американским благодетелям за их политическую и военную поддержку.

Потом под эту теорию американцы подвели кучу научно обоснованных аргументов, начиная с философии моральной поддержки военными методами задыхающимся под властью восточных деспотов народам, до замены некогда установленных западными колонизаторами государственных границ и формирования новых ареалов проживания освобожденных ими от деспотов народов. Начал реализацию плана Бжезинского Буш-старший, продолжил его сынок, а нынешний президент Соединенных Штатов решил привнести в этот план свою перчинку и вывести мусульманскую умму на вторую по влиянию в мире после США силу, в союзе с которой они смогут держать в узде процессы в Азии, Африке и Европе.

– То есть, как истинный христианин, Барак Хусейнович решил поделиться властью с мусульманскими муллами?

– Не совсем так. Он, конечно, христианин, но духовным

наставником его является человек, возглавляющий так называемую в Штатах церковь для черных. В своих проповедях он настаивает на том, что Иисус Христос был негром и темнокожее население должно сбросить ярмо белого человека как в буквальном, так и в образном смысле, поскольку имеет больше моральных прав на это. Папа Барака был мусульманином, причем сторонником весьма далекого от классического суннитского или шиитского понимания этого религиозного направления. В Африке любая религия имеет свою специфическую форму, замешанную на местных африканских культах. Так что о системности философских воззрений американского президента говорить довольно сложно. И понять его политику тоже довольно сложно.

– Это, конечно, все очень интересно... Но он же там не один, кто вершит политику такой огромной страны. Мне кажется, что вы несколько упрощаете нынешнюю ситуацию. – Черняев скептически улыбнулся. Он прекрасно знал, что американцы под любую свою военную акцию всегда подводили философию морального превосходства «самого демократического государства мира», но там над этим работали многочисленные институты и центры, так что личностные воззрения президента всегда должны были быть вплетены в общую канву проводимой политики.

– Ничего мы не упрощаем, ты просто не дослушал меня... Естественно, в США есть много политических групп и конкретных личностей, которые критикуют Обаму, но нынеш-

нее положение вещей очень многих устраивает. Военно-промышленному комплексу идут заказы, финансовые центры во главе с МВФ имеют возможность по своему усмотрению выделять деньги в рамках долгосрочной перспективы своей креатуре, а остальных финансово душиить, ссылаясь на санкции. Все идет в рамках давно разработанных программ. Ну и так далее...

– Так, ладно, политинформацию закончили... Расскажи, что вы там задумали конкретно по восстановлению контакта с Абдул-Вали?

Екатерина Михайловна уже давно постелила гостю на диване в маленькой комнате и ушла в спальню почитать перед сном. Мужчины остались одни и могли разговаривать о своей работе, не боясь неосторожной фразой испугать далекую от их мужских жестоких игр, которыми им приходилось заниматься всю сознательную жизнь, мирную, добрую женщину, в чьи личные планы дальше воспитания внушек в этой жизни ничего не входило. Хотя до ухода на пенсию она занималась, не менее интересным, чем у мужа, делом – в Звездном городке проводила инструктаж космонавтов по средствам индивидуальной защиты и доводила до ума их легкие скафандры. Но это было все в прошлом. Теперь, получив от государства заслуженную пенсию, которой как раз хватало, чтобы заплатить коммунальные платежи, Катя могла позволить себе спокойно почитать на ночь интересную книгу и помечтать о том, что в ближайшие выходные пове-

зут с дедом внучек в океанариум. Хорошо, что хоть военным подняли денежное содержание и муж мог позволить себе роскошь достойно содержать их маленькую семью.

– Основная идея всей операции – это создать у руководства «Исламского фронта», курирующего районы бывших советских азиатских республик, уверенность в существовании серьезной оппозиции нынешней таджикской власти. То есть легендирование серьезной группы лиц, объединенных общими религиозными взглядами на будущее исламское государство на территории нынешнего Таджикистана и Киргизии. Вывод кураторов «Исламского фронта» на территорию этих республик и дальнейшая их работа под нашим контролем – организационные ячейки, конкретные планы, склады оружия, методы и пути доставки. Ну и естественно, их ликвидация в нужный момент.

– Понятно. Решили повторить опыт ВЧК-ОГПУ конца двадцатых годов...

– Что ты имеешь в виду?

– Ах да, я забыл, что ты заканчивал Институт стран Азии и Африки, а не Высшую школу КГБ. Историю органов вам там не преподавали. Тогда послушай небольшую лекцию. В двадцатые годы прошлого века, после революции, на территории Советского Союза оставались немногочисленные группы лиц, уцелевших после репрессий, сочувствующих Белому движению. И антисоветские организации, коих за границей было достаточно много, пытались организовать на террито-

рии, прежде всего Советской России и Белоруссии, мощное антисоветское подполье. Чекисты решили им в этом подыграть – организовали легендированные группы. Туда входили реальные бывшие белые офицеры, и кого-то одного из них выводили на Запад с просьбой прислать к ним заслуженного деятеля Белого движения, поскольку, видишь ли, у них в организации полный раздрай – каждый видел себя лидером, но подчиняться местным лидерам никто не хочет. Операции были подготовлены довольно хорошо. На Западе им поверили и направили для грамотной организации антисоветского подполья лучшие кадры. Так, в частности, был выведен в Советскую Россию Борис Савинков, известнейший на тот момент террорист, и ряд других лидеров. Естественно, здесь их ликвидировали, чем надолго отбили охоту заниматься организацией антисоветского подполья.

А в тридцатые годы чекисты решили этот опыт повторить. Только уже не с антисоветскими организациями на Западе, а с западными разведками, подставляя для оперативной игры достаточно известных деятелей уже советской элиты. Якобы они готовы были сотрудничать с иностранными разведками для организации антисоветского переворота. А также перед ними стояла еще одна задача – доведение дезинформации о многочисленных, построенных уже за Уралом военных заводах. Заводы тогда на самом деле начали строиться, но не в таких масштабах, о каких рассказывалось иностранным разведкам, не имеющим на тот период возможности и

времени проверить данную информацию. Так вот. Делалось это под таким строгим секретом, что не всегда отражалось в литерных делах, чтобы не было утечки о проводимой операции и, естественно, не информировались другие подразделения нашего ведомства. Чем это закончилось, знаешь? Тридцать седьмым годом. Когда контрразведка стала получать информацию о сотрудничестве советских госслужащих и военачальников с иностранными разведками, начались аресты. И когда на допросах они стали признаваться в содеянном, но говорили, что действовали в рамках разработанных им легенд, то документального подтверждения это не находило. Я это к чему тебе рассказываю? У вас в вашей операции будет столько организаций, которые будут получать информацию о формировании исламского подполья, что у вас будет ситуация тридцать седьмого года. Допустим, легендирование подполья мы организуем по линии Службы внешней разведки России и нашего Департамента контрразведывательных операций. А как вы будете организовывать взаимодействие с нашей погранслужбой, с миграционной службой, со службой по борьбе с оборотом наркотиков, с МВД? А в Таджикистане? Кому вы там можете доверять? Разведке, контрразведке, милиции? А там вся агентурная сеть ориентирована на оперативное прикрытие границы с Афганистаном и Ираном...

– Да, но сейчас не двадцатые годы. Системы учета и контроля таковы, что вся информация оперативно проверяется. – Владимир Александрович об этой стороне дела пока не

задумывался, ему важнее было «ввязаться в бой», хотя ситуация с репрессиями в тридцатые годы его несколько озадачила, и он спросил Черняева: – А что, в те годы у чекистов не хватило квалификации для организации оперативных учетов такого уровня секретности?

– Видишь ли, Вова... Там было много факторов, в том числе и такие курьезные, как элементарная нехватка бумаги. Да не смотри так удивленно. Сейчас в наших архивах лежат многочисленные тома оперативных материалов, подшитых по одному делу, а на оборотных сторонах подшитых листов отпечатаны или написаны от руки материалы по другим делам. Сам чёрт ногу сломит... Прибавь к этому устные санкции, которые давал руководитель операции и который один держал в уме все тонкости задуманных подстав. А люди, они все смертные. Умер руководитель, и порвалась вся цепочка – концов не найдешь. А Ежову и Ягоде было выгодно показать себя в лучшем виде – никого не жалели, в том числе и сотрудников заграничных резидентур, в том числе и нелегальных. Их вызывали на Родину под благовидным предлогом и вершили быстрый, но закрытый, суд. Отчитывались количеством выявленных шпионов, во как! Кстати, как бы сейчас ни ругали Берию Лаврентия Павловича, но в конце тридцатых – начале сороковых, когда он пришел на место этих двух придурков, очень многие чекисты были реабилитированы и возвращены на службу. В том числе и знаменитый Абель, который из службы разведки был уволен и перед войной в

Москве работал вагоновожатым.

– Да, грустно...

– Грустно – не то слово. Стыдно.

Помолчали, обдумывая сказанное и услышанное. Разлили остатки водки по рюмкам. Чокнулись, выпили.

– Ты пойми, Вова, выполню я вашу просьбу, выйду на Абдул-Вали, но я не вижу перспектив. Да и потом, вы не учитываете очень важный факт: Абдул-Вали – птица высокого полета, да к тому же исмаилит. А это очень серьезно. Вы их за дураков-то не держите! У них и учеты, и агентура, и технические службы ничуть не хуже, чем у вас, а то и получше будут. Они оперативной работой в нашем понимании занимаются тысячу лет, со времен Хасана ибн Саббаха.

– А это еще кто?

– Дед Пихто и бабка с пистолетом. – Черняев рассмеялся. – Если я сейчас начну рассказывать, мы с тобой до утра просидим.

– Давай рассказывай, я все равно уже не усну, пока все не узнаю. Это же самое интересное. Тем более что в нашем деле мелочей не бывает, надо все выяснить до тонкостей.

– Ну как знаешь. Сам напросился. Слухай сюды. Дело было так. «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». – Черняев стал по памяти цитировать первую книгу Моисея из Ветхого Завета.

– Стоп! – Владимир Александрович по достоинству оце-

нил шутку своего коллеги. – Эту историю я знаю. Я тебе скажу даже больше. Я даже знаю историю возникновения ислама и его основные течения. Ты мне расскажи конкретно об исмаилизме – когда появился, отличия от других исламских учений. Ну и так далее... Что им можно, что нельзя.

– Ладно. Пошутили, и будет. На самом деле я постараюсь покороче, не вдаваясь в философские обоснования различных направлений, а то мы точно зависнем до утра. Итак, начнем с тех основных различий в философско-религиозных направлениях в исламе, которые в настоящее время приобрели столь актуальное значение, что ими на Западе принято объяснять непрекращающуюся череду вооруженных столкновений. Первое – это противоречия между «суннитами» и «шиитами». Сейчас под воздействием средств массовой информации на Западе, да и на Ближнем Востоке, чего уж тут скрывать, в сознание внедрена мысль, что шииты не признавали и не признают сунны Пророка. То есть не признают религиозное предание самого Мухаммеда. На самом деле шииты признают сунны, переданные только самим Пророком или членами его семьи. А сунниты позволяют себе признавать свидетельства, сделанные сподвижниками Мухаммеда. Если ты помнишь, сунны, или свидетельства Мухаммеда, стали собирать в единую книгу – Коран – спустя многие годы после его смерти. Часть таких свидетельств была записана на пальмовых листьях еще при жизни Пророка, а часть была записана со слов членов его семьи и сподвижников уже по-

сле его смерти. Поэтому шииты являются сторонниками семьи Пророка. От арабского слова «шиа» – «сторонник» – и происходит их религиозная партия. И эта религиозная партия признает законность передачи религиозной власти только по линии родства с Мухаммедом. В свою бытность, в шестнадцатом веке (по христианскому летоисчислению) шиизм стал официальной религией Ирана, поскольку, по преданию, Хусейн, сын Али, прямой потомок Мухаммеда, взял в жены дочь последнего сасанидского царя Ирана во времена арабского завоевания древней Персии (как тогда принято было называть Иран). Таким образом, произошла двойная легитимизация власти – религиозной и светской. Но Хусейн был убит халифами-суннитами в городе Кербела (сейчас это территория Ирака), и его потомки были отстранены от власти. В этом как раз суннитов и обвиняют. Вот смотри, что писал об основе религиозной власти шиитов мусульманский богослов Абу аль-Мали.

Черняев раскрыл потрепанную книжицу неопределенного серо-зеленого цвета на закладке, которая также обтрепалась от частого употребления: «Учение шиитов состоит в следующем: двенадцать имамов непогрешимы; каждый из них творил чудеса; каждый из них, умирая, назначал себе преемника – имама, и так шло до Хасана ибн Али аль-Аскари. Последний передал имамат своему сыну, заявив: „Он махди и владыка времени“. Этот сын родился в Самарре в 255 году (по нашему летоисчислению, сам понимаешь, в 869-

м). Там есть подземелье, в котором, как говорят, произошло его исчезновение». Итак, по шиизму, Али и его потомки олицетворяют принцип наследственной верховной власти и пророчества. Из этого следует, что имам обязательно должен существовать во все времена. Прямая линия от Али прерывается на 12-м имаме, но последний имам не умер, а удалился в потайное место, где ждет своего часа. Так что все шииты ждут прихода тайного имама – махди – и ведут праведную борьбу с узурпаторами власти – суннитскими халифами, прежде всего из многочисленного семейства Саудитов.

– Так, хорошо. Первое противоречие установили. Пошли дальше.

– Нет, давай сначала заварим свежий чай. – Черняев отложил книгу в сторону и стал колдовать над большим заварным чайником с причудливыми иероглифами, красиво уложенными по его бокам. Промыв его кипятком и засыпав свежей заварки, он заполнил его на одну треть и поставил на медленный огонь в ожидании, когда маленькие лепестки черного байхового чая начнут раскрываться, отдавая весь свой аромат. Пока чай доходил до кондиции, Евгений Владимирович решил задать вопрос, давно мучивший его в силу своей необъяснимости с точки зрения элементарной логики:

– Володя, вот ты долго пробыл в Ливии и сегодня так интересно рассказывал об «арабском коммунизме» при Каддафи. Так почему же его так быстро сдали? Почему не боролись за него? Неужели они не понимали, что с его уходом

вся эта бесплатная медицина, обучение за границей, подарки на свадьбу от Джамахирии в виде бесплатной квартиры и машины закончатся?

– Власть, Женя, власть. Всем хотелось власти, чтобы распоряжаться всем этим нефтяным богатством. Ну и конечно, демократия – этот троянский конь всех арабских режимов. А под понятие «демократия» можно подвести любое, даже слабое недовольство работой служб коммунального хозяйства по вывозу мусора. А уж как его потом превратить в мощное «общенародное» движение, мастера тебе подскажут.

– Да я все это знаю. Механизм известен. Я о другом. Почему люди не думают о своем будущем? Почему разучились объединяться на защиту собственных интересов?

– Очевидно, им показали другие, не менее «собственные» интересы.

Черняев снял чайник с плиты, долил в него кипяток и накрыл полотенцем. Расставил чашки, поставил вазу с конфетами, достал из холодильника свое любимое берлинское печенье и наконец разлил по чашкам ароматный чай.

– Ладно, не будем отвлекаться. Продолжим. Исмаилиты. Это представители шиитского направления. То есть они признают власть имамов по родственной линии от пророка Мухаммеда, однако считают, что линия имамов заканчивается на седьмом из них. Запомни эту цифру – семь. Исмаилитов иногда еще называют «семиричники». Дело в том, что последних пять имамов они не признают, поскольку в

свою бытность шестой имам Джафар Садик, считая своего старшего сына Исмаила недостойным звания имама, лишил его права наследовать имамат и передал это право своему младшему сыну. Сторонники Исмаила остались верны своему «имаму», и произошел очередной раскол. Сторонники исмаилизма через своих миссионеров (так называемых даи) распространили свое учение в Иране и Сирии. Другое же направление этого учения получило развитие в Месопотамии и называлось «карматизм» по имени одного из ведущих миссионеров – даи Хамдана Кармата. Так вот, в Месопотамии это движение пошло по линии развития первого бесклассового общества равных прав и привело к первой социальной крестьянской революции под коммунистическими лозунгами... Да-да, не смейся. Коммунизм – это не выдумка бородатого Маркса. Это задолго до него. А вот второе направление – это то, что нам с тобой сейчас самое интересное.

Надо сразу сказать, что исмаилиты с самого начала стали позволять себе большие вольности в трактовке сур Корана, да и в вопросах истинности происхождения имамов по родству от Пророка они тоже ушли довольно далеко. Дошло до того, что одного из потомков Мухаммеда (или родственников по линии жены Фатимы – я уже сам запутался в этих непорочных связях) – Хакима – они вообще объявили богом. Более того, они придерживались учения о переселении душ, что идет в нарушение всех норм исламского вероучения. Помнишь, я говорил тебе о цифре семь? Так вот,

в религиозной философии исмаилизма в первой ступени их миропостроения был Мировой разум, в котором последовательным воплощением были семь пророков: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и, наконец, седьмой – еще один Мухаммед, но уже сын Исмаила. При каждом из семи пророков состоят семь имамов, первый из них постоянно сопровождает пророка. Так, к первым пяти были прикреплены имамы Сиф, Сим, Исмаил, Аарон, и даже Иоанн Креститель...

– Так, все. Я уже перестаю понимать эту весьма необычную конструкцию. Я же просил тебя сильно не углубляться в философию этих религиозных учений.

– Вова, а ведь это только первоосновы их философии, а дальше такой темный лес пойдет – без компаса не выйдешь... А как же вы с ними решили в игры играть, не зная, что вам можно, а что нельзя? Так ты не переживай – в этой-то эклектике наша с тобой сила.

– Это почему же?

– Потому что там, где нет жестких правил и норм, можно придумывать свои нормы, выдавая их за малоизвестные варианты религиозной философии. По крайней мере, обладая основами данного религиозного учения, у тебя будет время поискать ответы на возникшие вопросы в ходе беседы. Главное – знать имена их исламских авторитетов данного направления и вовремя ссылаться на малоизученные работы этих древних философов. В этой среде «правоверных» исмаили-

тов можно еще и прослыть алимом, если владеешь основами риторики. У меня когда-то неплохо получалось. Правда, это было в горах Памира, там можно было безбоязненно сыпать имена арабских теологов – их там все равно никто не знал. Но в данной ситуации на это лучше не рассчитывать.

– Так, может быть, нам вообще отказаться от проведения этой операции?

– А вот теперь уже нет. Мне самому стало интересно поиграть в эти кошки-мышки. А вернее, в эту игру лисиц. Давай, заканчиваем с чаепитием. Третий час ночи... У нас завтра совещание в «Лесу»... В нашем «Лесу» тоже умные лисы живут. – Черняев даже хохотнул от пришедшей на ум аллегии.

* * *

Утро было прекрасным. Голова, несмотря на большую дозу выпитого накануне, не болела – научились все-таки делать хорошую водку. Настроение было приподнятым в ожидании продолжения размышлений на интересную тему. Черняев был из тех людей, которые любили планировать свой день, и, если заранее не было известно, чем новый день будет заполнен, он чувствовал себя несколько растерянным. Сегодня же на его улице был праздник. Было ощущение, что этот привет из далекой молодости вернул его в то прекрасное время, когда ничего еще не было впереди, кроме ожидания кра-

сивой и счастливой жизни. Евгений Владимирович понимал, что причина его бодрого настроения – это ожидание встречи с объектом, расположенным сразу за МКАДом, известным во всех разведках мира под кодовым названием «Лес», и с домом в «Лесу», носящим смешное название «Карандаш», где был когда-то его маленький кабинет с окнами, выходящими на бесконечные кроны деревьев, среди которых и был некогда спрятан комплекс зданий Первого Главного управления КГБ СССР, а нынче Служба внешней разведки. Как давно он там не был! И как он хотел там побывать... Просто пройти от КПП по дорожке ко входу, пройти к дальнему лифту, подняться на шестой этаж здания со смешным названием «Карандаш». После того как он покинул первый главк так неожиданно глупо, этот простенький, стандартный кабинет с видом на зеленое море подмосковного леса часто снился ему. И часто, проезжая по МКАДу в районе Ясенева, он едва заметным движением, чтобы не смущать водителя или жену, если они ехали на своем автомобиле, махал этому «Карандашу», едва заметному над кронами деревьев.

Екатерина Михайловна давно уже накрыла стол для завтрака и с удивлением посматривала на часы. Шел уже девятый час, а мужчины и не собирались просыпаться. Это было тем более непривычно, что муж обычно вставал в семь утра и будил ее перед уходом на службу. Она вошла в спальную комнату, и, заметив, что муж уже проснулся и лежит с улыбкой младенца на устах, она с той же улыбкой, с которой

подходила к проснувшимся внучкам, ласково обратилась к Черняеву:

– Ой, мы проснулись! Быстренько на горшок!

– Мать, хорош стебаться! Сейчас встаю... У нас сегодня совещание, но не на Лубянке, поэтому имею право еще пять минут поваляться. За нами придет машина... Машина, машина... Мы совсем забыли сказать Сергею Николаевичу, что машину надо сюда направить. Срочно Вовку будить!

– Я все слышу. Я уже проснулся. Я в ванную, – раздался из коридора голос Владимира Александровича.

– Ну вот, пока он в ванной плещется, я поваляюсь. – Черняев повернулся на бок и укрылся одеялом с головой.

Завтракали не спеша. Володя позвонил Сергею Николаевичу, и тот сказал, что совещание назначено на «после обеда» и машину он за ними вышлет, а Евгений Владимирович позвонил дежурному офицеру и попросил передать Сергею Афанасьевичу, что он сегодня на совещании в Службе внешней разведки и на службе не будет. По результатам доложит завтра.

– А что за страшные сказки вы вчера всю ночь рассказывали? – Жена наконец не выдержала.

– Сказки «Тысячи и одной ночи»... Али-Бабу знаешь? Про него.

– Я серьезно. Не хотите рассказывать – не надо.

– Почему не надо? Сейчас позавтракаем и продолжим. Мы никуда не торопимся. Возможно, даже успеем пообедать

дома. Вот смотри, какой Сергей Николаевич деликатный человек. Понимает, что мы вчера посидели, а сегодня совещание перенес, что бы мы себя успели в порядок привести. Понимаю, что не в нашем возрасте с утра опохмеляться, однако хороший кофе с коньяком еще никому с утра не мешал. Мне так мама в детстве говорила, когда в школу собирала.

– И мне мама тоже так говорила перед школой. – Владимир Александрович с удовольствием включился в игру Черняева.

– Ой, какие у вас были хорошие мамы! – Екатерина Михайловна все поняла и пошла в гостиную за французским коньяком.

– Ну вот, теперь все в сборе. – Черняев долил в кофейные чашки коньяку. – Можно продолжить ночной разговор. На чем мы остановились?

– На философских взглядах ранних исмаилитов.

– Правильно. Переходим к исмаилитам-низаритам. Помнишь, я вчера тебе рассказывал о Хакиме, которого исмаилиты объявили богом. Так вот, он долго в этом звании не проходил. Однажды он исчез. История умалчивает, при каких обстоятельствах, но, скорее всего, его просто убили. Фатимиды вернулись к первоначальному варианту исмаилизма как официальной религии в Египте. Так вот, во время правления фатимидского халифа Мустансира даи Ирака прислал в в 1078 году в Египет одного из своих учеников Хасана ибн Саббаха, иранского исмаилита. А спустя несколько лет этот

Мустансир лишил своего старшего сына Низара права ему наследовать и назначил наследником своего младшего сына. То есть ты понимаешь, что произошла похожая ситуация с Исмаилом, когда его сторонники организовали движение в его поддержку и появился исмаилизм как религиозно-политическое учение. Так и здесь, Хасан ибн Саббах встал на сторону Низара и отпочковался с новым религиозно-политическим учением – «исмаилиты-низариты». Это важно для понимания всего того, что произошло дальше. А дальше произошло следующее: Хасан ибн Саббах был изгнан из Египта и со своими сторонниками продолжил свою, уже самостоятельную деятельность в Сирии, в районе Халеба, а далее перебрался в Иран и в 1090 году захватил, а вернее, заставил истинного владельца продать ему крепость Аламут. Затем были захвачены еще несколько крепостей и построены новые. Свое учение он распространил на дальние районы, вплоть до Памира, Гиндукуша и Читрала на границах Китая и Индии.

В рамках своего нового государства он установил правила, весьма далекие от норм шариата, отменил ранее существовавшие сельджукские налоги, но заставлял своих подданных строить дороги, фортификационные сооружения и заниматься мелиорацией. Вел сам весьма аскетичный образ жизни и заставлял своих сторонников отказаться от роскоши. Вместе с тем занимался формированием обширной библиотеки и привлечением в Аламут научных кадров того вре-

мени.

Как гласит легенда, однажды в городе Сава за убийство местного муэдзина правитель Сельджукского государства приказал казнить мучительной смертью предводителя местных исмаилитов. После казни его тело показательно протащили по улицам Савы и на несколько дней вывесили труп на главной базарной площади. Эта казнь вызвала возмущение у местных исмаилитов. Хасан ибн Саббах призвал расправиться с главным визирем Сельджукского государства, заявив, что «убийство этого шайтана предвосхитит райское блаженство». И нашелся такой федаин, который изъявил желание исполнить приказ Ибн Саббаха, даже если при этом придется заплатить собственной жизнью. Звали этого молодого человека Бу Тахир Аррани. Убийство главного визиря Низама аль-Мулька было показательным и хорошо подготовлено с точки зрения проведения спецоперации. И хотя и раньше политические убийства применялись в халифатах, это было сделано с предварительным объявлением и все знали, чей приказ был выполнен. Этот факт считается началом формирования первого «спецназа», подготовленного для выполнения конкретного задания.

Ибн Саббах пришел к выводу, что ни к чему тратить финансовые средства для содержания большой армии, когда можно с помощью небольшого отряда подготовленных людей держать в страхе руководителей соседних халифатов. И он стал формировать такой «спецназ» на постоянной осно-

ве. Набор в отряд был предельно жестким – претендентов заставляли без еды и питья стоять несколько суток под солнцем и дождем только лишь для того, чтобы дать ему право высказать свое желание попасть в отряд. После приема в отряд они проходили полную боевую подготовку под руководством в том числе и мастеров рукопашного боя из Китая. Позже были организованы специальные курсы иностранных языков и правил этикета, как ближневосточного, так и европейского. А также религиоведение, страноведение и основы медицины того времени – изучение ядов и противодействие им. Но основой боевого искусства было правильное использование тонкого кинжала – стилета. На определенном этапе даже использовался специальный прибор в виде перчатки с выдвигаемым лезвием. Он надевался на левую руку, но для его использования у федаина удалялся средний палец.

Одновременно с этим надо было наладить механизм сбора достоверной информации. Во всех уголках исламского мира уже действовало бесчисленное количество исмаилитских проповедников, которые сообщали в Аламут о всех происходящих событиях. Федаины первыми ввели в оборот такое известное тебе понятие, как «вербовка». Исмаилит, входящий в разведывательную структуру, почитал выпавшую на него долю как проявление высочайшей милости Аллаха. Ему внушалось, что он появился на свет лишь для выполнения своей «великой миссии», перед которой меркнут все мирские соблазны и страхи. Делалось это весьма искусно. Во дворце

Ибн Саббаха был внутренний двор, оформленный под райские кущи. Небольшую группу федаинов опаивали индийским опиумом (тогда его называли «хашиш») и вводили в этот райский сад, где они сутки проводили в обществе прекрасных девушек, где вино лилось рекой, где звучала домра и летали райские птицы. Затем их опять погружали в сон и возвращали в их унылую серую жизнь. И уже здесь им говорили, что в этот рай они смогут вернуться только по велению Хасана ибн Саббаха, если не раздумывая исполнять волю Старца Горы. Отсюда и название этих федаинов – «хашашины», или, по-европейски, «ассасины». Хотя есть и другие трактовки этого названия. Но прижилась эта трактовка происхождения названия членов этого «спецназа».

Были и другие фокусы, с помощью которых Ибн Саббах, а затем и его преемники держали в ежовых рукавицах собственную паству. Так, иногда применялся фокус с «отрезанной» головой. В центре зала стояла огромная мраморная чаша, в которой лежала в луже крови человеческая голова, и на виду у изумленной публики Старец Горы заставлял ее оживать и отвечать на его вопросы. После представления голову выбрасывали на площадь перед дворцом. Суть фокуса состояла в том, что внутри чаши была полость, куда перед представлением засовывали опоенного маком кандидата, и его нечленораздельные мычания в ходе представления трактовали в рамках необходимого контекста. А после представления просто отрубали участнику мистерии голову (уже на

самом деле) и демонстрировали факт наличия ее в реальной жизни. Еще один фокус был придуман с двойником, когда похожий на Старца Горы сгорал на глазах у сотен правоверных, а через некоторое время правитель Аламута выходил к подданным с улыбкой на устах. Были фокусы и с магнитом, только-только входящим в моду у индийских факиров. Кстати, там, в Аламуте, были организованы и первые курсы театрального искусства, своеобразный ГИТИС.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что людей, готовившихся к исполнению особо сложных заданий, учили правильно входить в роль и играть эту роль до конца, не отходя от нее даже в мелочах. Так, однажды, готовясь исполнить очередной заказ на убийство...

– Заказ на убийство? Он еще и подрабатывал, этот Ибн Саббах? – Владимир Александрович оторопело смотрел на Черняева.

– Да, об этом чуть попозже... Так вот, отправил он для исполнения своего приказа в Европу ассасинов. Их целью был один из могущественных европейских князей, охрана которого была столь хорошо организована, что даже близко подойти к нему было невозможно. Тогда Ибн Саббах, зная, что европейский вельможа был ярым католиком, отправленным в Европу двум молодым федаинам отдал приказ обратиться в христианство, благо что принятая как у шиитов, так и у исмаилитов практика «такийя» позволяла им совершать обряд крещения для достижения священной цели. В глазах бли-

жайшего окружения – паствы католического собора – они стали ревностными католиками, соблюдавшими все католические посты и праздники. В течение двух лет они каждый день посещали католический собор, проводя долгие часы в молитвах и отпуская собору щедрые пожертвования. И спустя два года такой «праведной» жизни прихожан католического собора они стали как бы неотъемлемой частью самого собора и никто на них уже не обращал никакого внимания. И вот во время очередного воскресного служения одному из федаинов удалось приблизиться к князю и нанести ему несколько ударов кинжалом. Он был убит телохранителем князя, однако во время суматохи второму федаину удалось нанести смертельный удар отравленным кинжалом и выполнить приказ Старца Горы.

– Послушай, а чего это ассасинов в Европу-то потянуло?

– Это отдельная история, и довольно длинная. А нам уже пора собираться, скоро машина подойдет.

– Расскажи хотя бы вкратце.

– Ну хорошо, слушай. В конце одиннадцатого века в Европе сложилась тяжелая криминогенная ситуация. Она была связана с системой наследственного права, где все имущество передавалось старшему сыну, а остальные отпрыски оставались ни с чем. Для того чтобы занять хоть какое-то положение в обществе, таким младшим сыновьям необходимы были минимальные средства для экипировки, без которой в армию сеньора он принят быть не мог. Появились многочис-

ленные бандитские группы, которые грабили торговые караваны и монастыри. Чтобы избавить Европу от этой напасти, а заодно и пополнить собственную казну, римский папа Урбан Второй придумал гениальный ход, который дал в дальнейшем гигантский толчок к развитию всей финансово-экономической жизни Западной Европы. Он придумал Крестовый поход и на церковном соборе в Клермонте в 1095 году призвал христиан Европы к освобождению Иерусалима и Палестины из-под власти турок-сельджуков. В августе 1096 года из разных частей Европы в направлении Ближнего Востока двинулись четыре колонны крестоносцев, которым папа обещал прощение всех земных грехов. Простой люд шел за прощением, а рыцари – за землями и почетными званиями королей и князей новых земель. Вооруженные отряды рыцарей-крестоносцев из Южной Франции возглавлял Раймон Тулузский, из Италии – норманнский князь Боэмунд Тарентский, из Нормандии – герцог Нормандский Роберт, из Лотарингии – Годфруа де Бульон, или, как его еще называли, Готфрид Бульонский.

И вот, прибыв на Ближний Восток эта орда европейских бандитов стала заниматься тем, за чем пришли – грабить и убивать, накапливая захваченное золото. На каком-то этапе боевой отряд Раймона Тулузского пересекся с феодалами Рашида ибн Саббаха, и Готфрид был убит в бою. После чего оставшиеся рыцари отряда Раймона выступили непосредственно против Ибн Саббаха с целью справедливого возмез-

дия. Их было всего двенадцать рыцарей с тяжелым вооружением, и Ибн Саббах решил, что двухсот фedaинов вполне хватит, чтобы расправиться с этими, как он считал, нерасторопными воинами. Однако судьба была к нему неблагоприятна, и он потерпел поражение – фedaинов разметали в пыль. После чего крестоносцы потребовали от Ибн Саббаха принять христианство и стать вассалом крестоносцев. И Ибн Саббах принял их условия. Однако крестоносцы группы Раймона приняли другое решение – они стали использовать возможности Старца Горы для решения своих внутренних вопросов. Они стали ему заказывать убийства своих европейских конкурентов. Вначале на территории Палестины, Сирии и Иордании, а когда дело стало на поток, заказы появились и в Европе. Через Старца Горы они решали также и вопросы хранения награбленного золота – благо в тех местах много карстовых пещер, где можно было спрятать награбленное – не все же отдавать матери-церкви. Вот тебе история вкратце. А теперь звони водителю, наверняка он уже подъехал и ждет нас.

Глава вторая

Апрель 2015 г. от Р. Х., Подмосковье

Свернув со МКАДа, автомобиль, сделав небольшую петлю по искусно спрятанной в лесной чаще дороге, подъехал к одноэтажному домику со множеством дверей и остановился у крайней. Выписка пропуска заняла несколько минут, и Черняев вместе с Владимиром Александровичем в сопровождении молодого человека, одетого в строгий темно-серый костюм, пошли по дорожке к основному входу, раскрытой книжкой приглашавшему внутрь. При входе в просторный холл у них еще раз проверили документы и рукой показали в сторону нужного им лифта. На третьем этаже, пройдя недолго по коридору, Владимир Александрович остановился у закрытой двери нужного им кабинета и без стука потянул ручку. Дверь легко открылась, и, заглянув внутрь, Владимир Александрович с каким-то внутренним удовлетворением сказал:

– Никого! Заходи! Мы первые пришли.

– А народу много будет? – Черняев не представлял формат совещания и был несколько обескуражен самой постановкой вопроса: какое совещание при таком деликатном деле, как обсуждение концепции предстоящей операции?

– Нет, народу будет, как и вчера, три человека – ты, я и Сергей Николаевич. Просто здесь удобней обсуждать детали,

поскольку в любой момент можно вызвать офицера из аналитической службы или оперативного подразделения в случае необходимости и уточнить вопросы. Если, конечно, они появятся. Или запросить необходимый материал – в этом кабинете есть вся необходимая аппаратура, чтобы вывести на экран видео или фотоматериалы.

– Странно, что он стоит у вас открытый. – Черняев слабо представлял систему охраны внутри этого сверхсекретного здания. В его бытность кабинет открывал кто-то из сопровождающих.

– Ничего странного. Кабинет открыли дистанционно, как только мы поднялись на этаж, и вход в него поставили на видеоконтроль. У нас тут все продумано. Передвижение по этому этажу контролирует дежурный офицер.

Евгений Владимирович осмотрел довольно большой кабинет и не заметил ничего необычного – почти все то же, что и у них на Лубянке: типовая офисная мебель, большая плазма на стене да бутылки с минеральной водой на столе. Даже гнезда для индивидуального подключения компьютеров на столе были вделаны по устоявшимся стандартам. Черняев усмехнулся собственной наивности. А что он хотел здесь увидеть? Раздвигающиеся, как в фантастических фильмах, стены для перехода в иное измерение?

Его размышления прервал Сергей Николаевич. Он зашел, держа в руках ноутбук, и, прежде чем поздороваться, положил его на стол. Пожав руки офицерам, сел за стол как раз

напротив стены, где висела плазма, подключил к компьютеру провода и жестом пригласил присаживаться на стулья, стоящие у стола напротив.

– Не будем тратить время. Итак, повторяю основную идею операции – выйти на руководство «Исламского фронта», как бы он там ни назывался, контролирующего поставки оружия и организацию бандформирований на основе религиозной и этнической ориентации в регионах бывшего Советского Союза, а нынче в независимых Среднеазиатских республиках. Цель – ведение долгосрочной оперативной игры под нашим контролем и ликвидация бандитских структур в нужное для нас время, то есть тогда, когда у них созреет решение начать масштабную операцию по смене режимов в Таджикистане, Узбекистане или Киргизии. Поскольку в настоящее время в Афганистане движение «Талибан» резко активизировалось и организационно вошло в состав вновь образованного Исламского государства Ирака и Леванта, их боевые группы вплотную подошли к границам Таджикистана. Все попытки американцев и руководимых ими афганских вооруженных сил и «Царандоя» оказать им достойное сопротивление провалились, а войска афганского узбека генерала Достума, несмотря на нашу помощь, не в силах удержать северные рубежи, так что будем считать, что «Талибан» уже у наших южных границ. И имеют, по нашим оперативным данным, определенную поддержку в Пархарском, Кулябском районах и в Горном Бадахшане. Формирование в условиях высоко-

горя Припамирья легендированных маневренных групп из-за отсутствия элементарных стоянок физически невозможно, а контролировать переход границы в этом районе силами погранотрядов не получится. Это даже в советские времена удавалось с трудом, несмотря на усиленные посты в Ишкашиме и Пархаре. Учитывая динамику роста молодого населения в Афганистане, несмотря на продолжающуюся больше тридцати лет гражданскую войну и активную работу мусульманских мулл экстремистского толка, вся эта молодежь сильно мотивирована на ведение войны до полного построения Исламского халифата от стран Магриба до нашей Средней Азии и Уйгурского автономного округа Китая. И сдержать эту орду не хватит никаких сил. Так что выход у нас с таджиками, узбеками и киргизами один – выводить их на контролируемые нами территории и уничтожать по мере прибытия.

– А как же концепция – бить врага на его территории? – Черняев сам понимал, что задает риторический вопрос.

– Во-первых, мы уже пробовали в Афганистане, и нас весь мир объявил агрессором, а во-вторых, наша российская общественность не поймет, чего это мы опять ввязываемся «не в свою войну». Поэтому давайте будем исходить из реалий сегодняшнего дня. Поэтому мое предложение такое: выйти на руководство «Исламского фронта» среднеазиатского направления и убедить его в наличии оппозиции существующему режиму в Таджикистане. А там посмотрим... Если они «клянут», провести оперативную игру, и если результаты

будут достаточно масштабные, то мы надолго отобьем охоту соваться в этот регион.

Черняев раздумывал над тем, стоит ли говорить генералу все то, что он вчера рассказывал Владимиру Александровичу о сложностях по контролю утечки информации в данной долговременной операции. У него в жизни уже был отрицательный опыт, когда он пытался возразить руководству управления. Тогда ему в довольно жесткой форме сказали, что генералы на то и генералы, что лучше знают, как проводить сложные оперативные мероприятия. Но в данном случае его позвали обсудить данное предложение и его сомнения должны рассматриваться в рамках моделирования ситуации. И он решил высказать свои сомнения. Не вдаваясь в детали, которыми он так озаботил Владимира Александровича накануне, Евгений Владимирович предложил обсудить варианты возможного развития событий в рамках общего замысла, и, когда дошел до тонкостей учетной политики и обмена поступающей информации, Сергей Николаевич надолго задумался.

– Я понимаю ваши сомнения, Евгений Владимирович, – наконец прервал свое молчание генерал, – и, зная принципы распространения неконтролируемой информации, соглашусь с вами, что риск довольно большой. Однако на сей момент мы не можем просчитать все риски. Мы даже не знаем, пойдет ли на восстановление контакта с вами Абдул-Вали, поэтому давайте будем решать вопросы по мере их поступ-

ления. На сегодняшний день перед нами ставится одна задача – восстановление контакта с руководством «Исламского фронта» и попыток войти в доверие. Если первый этап пройдет в рамках наших планов, тогда будем думать о деталях. Главное – не в утечке информации, а в том, чтобы убедить руководство Таджикистана, что вся наша операция не направлена против действующей власти. Они очень ревностно относятся к любым контактам с людьми из кулябской и памирской оппозиции. А со стороны может показаться, что мы сделали ставку на «памирских» и создаем им плацдарм для будущей замены нынешней власти. Если вы согласны выехать в Дубай и встретиться с Абдул-Вали, то мы напишем докладную в администрацию президента и попросим руководство на ближайшей встрече стран – участников ШОС или в рамках ОДКБ, какая из них состоится раньше, переговорить с Эмомали Рахмоном, чтобы снять все ненужные вопросы в будущей операции.

Черняев понял, что наступил тот момент, когда надо ему лично принять решение о поездке. Медлить больше нельзя, еще подумают, что он испугался. Он понимал, что, сидя здесь, в Подмосковье, в кругу соратников и друзей, должен принять решение, которое может изменить его жизнь так сильно, что о спокойной старости можно будет только вспоминать как о несостоявшейся мечте. Как там все повернется в Дубае? В случае удачного установления контакта его могут отпустить назад для организации канала приема лю-

дей и оружия, а могут в рамках проверочных мероприятий отправить через Карачи и Лахор добираться «домой», в Памир, дальней дорогой. И это займет не один месяц. И чтобы не провалить операцию, на связь с Центром он выходить не сможет. И рассчитывать сможет только на себя... А скоро лето. Они с женой планировали весь июль провести с внуками на даче. Там озеро, лес с корабельными соснами... А в августе пойдут грибы... Если он сейчас откажется, его поймут. Обидятся, конечно, но поймут. Человеку уже шестьдесят. В таком возрасте нормальные люди в эти игры не играют. Нормальные... Но он же на работе натаскивает своих молодых «лисят» на активные, иногда даже авантюрные действия, чтобы обмануть хитрых лис чужих вражеских разведок. Конечно, о его отказе от операции на Лубянке не узнает никто, но как потом смотреть в глаза молодежи и учить их не жалея сил, времени и самой жизни защищать собственное Отечество?.. Если сейчас отказаться, то надо сразу подать рапорт об отставке.

И он принял решение. По большому счету, рассуждал Черняев, он всего лишь закончит свою прерванную операцию тридцатилетней давности. Тогда ведь тоже была идея внедриться в исламскую организацию. Цели, правда, были другие. Ну так и времена меняются.

– Сергей Николаевич, поскольку решение принято и вы будете готовить записку в аппарат директора Службы внешней разведки и директора ФСБ, прошу поднять вопрос о

продлонгации моего контракта службы еще на год, поскольку в июле сего года я должен уйти со службы в полную отставку. У нас в кадрах к этому относятся очень серьезно и, если я выйду с такой инициативой, меня могут не понять.

– Об этом не беспокойтесь, Евгений Владимирович. Все вопросы будут учтены. А сейчас давайте перейдем к предварительному моделированию возможных ситуаций по ходу развития операции.

– Согласен. Только давайте определимся с первоосновой наших действий. Я имею в виду тонкости разделения понятий. Во-первых, вы ставите задачей проникновение в структуры так называемого Исламского государства, которые имеют явную ориентацию на салафитов при поддержке лидеров суннитов – Саудовскую Аравию и Кувейт, а направляет меня на встречу с Абдул-Вали – человеком, придерживающимся либо шиитских, либо исмаилитских взглядов, явно ориентированного на шиитский Иран – смертельного врага саудитов. Так в какой лагерь мы стремимся проникнуть? Во-вторых, вы учитываете тот факт, что Эмомали Рахмон позиционирует себя как правоверный мусульманин суннитского толка? Как ему будете объяснять наши активные действия против его единоверцев в его стране, когда он даже боится критиковать Исламскую партию Таджикистана в ходе открытых дебатов в прессе?

– Вы абсолютно правы, что ставите эти вопросы. – Сергей Николаевич вздохнул. – Это я слишком свободно обращаюсь

с такими понятиями, как «Исламское государство», забыв, что разговариваю с профессионалом. Конечно, вы будете работать по линии проникновения в шиитские группировки, патронируемые иранской разведкой. По линии Исламского государства мы тоже работаем, но с другой группой. Я просто допустил обобщение нашей общей задачи на этом этапе. А по поводу Эмомали Рахмона, я думаю, все будет проще. Какой бы он ни был правоверный мусульманин, но он не фанатик и знает, что такое потерять власть в ситуации, когда такое число желающих у него эту власть отобрать силой. Я думаю, что ради сохранения своей власти под наши гарантии он пойдет на все наши условия.

Обсуждение возможных вариантов развития ситуации затянулось допоздна. Вечернее солнце уже скрылось за горизонтом, когда концепция в основном была выработана и претерпела многочисленные изменения по сравнению с первоначальным замыслом.

Во-первых, пришли к мнению, что лучше будет отправить Черняева с молодым сотрудником – таджиком, поскольку уважаемые на Востоке люди в дальние поездки без надежного «нукера» никогда не ездят. Да и по ходу развития ситуации, скорее всего, им придется разделить. Если запланированный контакт найдет свое продолжение, то наверняка одного из них должны будут направить для координации общих действий на Памир со стороны Северо-Западной провинции Пакистана, а другого вернуть непосредственно в Та-

джикистан. Если в Горный Бадахшан по длинному маршруту через Лахор и Читрал направят Черняева, то там операция и закончится – в силу возраста Евгений Владимирович в высокогорье долго не протянет. Это тоже все понимали.

Во-вторых, поскольку их маленькая группа будет работать автономно и выйти на связь для избежания провала они не смогут ни в Дубае, ни на маршруте возможного движения к базам в Читрале, договорились о разработке системы сигналов на случай провала и работы под контролем чужой разведслужбы.

В-третьих, по настоянию Черняева пришли к согласию о создании отдельной опергруппы по системе учетов и каналов доведения информации до заинтересованных органов как в России, так и в Таджикистане. Время выезда в Дубай определили на начало августа. Все остальные вопросы по документальному обеспечению, техническому обеспечению, официальному оформлению командировки сотрудников и их финансовому довольствию Сергей Николаевич взял на себя.

Уже поздно вечером, подъезжая к дому, Черняев с излишне демонстративным оптимизмом (не переиграть бы!) решил сообщить супруге две новости: одну – хорошую, а вторую – очень хорошую. Хорошую – он в августе на пару недель едет в заграничную командировку, а очень хорошую – его еще на год оставляют на службе.

Апрель 2015 г. от Р. Х.,

Москва, ул. Большая Лубянка, д. 1/3

На следующее утро, придя на службу и просмотрев поступившие документы в части, его касающейся, Черняев позволил помощнику директора департамента, чтобы выяснить, примет ли его сегодня Сергей Афанасьевич. Помощник доложил Евгению Владимировичу, что он записан на двенадцать, и если разговор затянется, то в столовой руководящего состава в отдельном кабинете заказан обед на двоих, где они смогут продолжить обсуждение своих вопросов.

До времени доклада было еще почти два часа, и Черняев решил систематизировать всю информацию, чтобы постараться доложить директору департамента все достаточно быстро и ясно, не растекаясь, как говорится, мыслью по древу.

Он достал из пачки чистый лист бумаги, взял из стоявшего на рабочем столе мраморного стакана ручку и начертил на чистом листе сверху вниз полосу, разделившую лист ровно на две части. Слева наверху написал: «Что имеем», а справа – «Что получится».

Первым пунктом обозначил основную задачу – восстановление отношений с Абдул-Вали. Тут же, на левой стороне листа, обозначил – необходима детально проработанная ле-

генда выхода, причем желательно, чтобы инициатива восстановления контакта исходила от «объекта». Можно разыграть из себя испуганного дурака, однажды пострадавшего из-за контакта с Абдул-Вали и отсидевшего за это несколько лет. Вывести на разговор Абдул-Вали и заставить его оправдываться, что это не он «сдал» молодого таджика органам КГБ.

В правом разделе листа под надписью «Что получится» Черняев написал: «Это даст на некоторое время тактическое поле маневра и должно убедить, что приехавший представитель оппозиции ищет контактов, но не с ним». Евгений Владимирович понимал, что у Абдул-Вали наверняка уже были контакты с таджикской оппозицией, и некоторых из них Черняев знал лично. Но это был уровень местных полевых командиров и лиц, не выходящих дальше чем на уровень руководителей вилайетов. Здесь же придется показать себя человеком, имеющим контакты с «серьезной» оппозицией Рахмону из числа руководителей государственных ведомств, желательно второго эшелона силовых ведомств – налоговиков, таможенников. Иначе будет очень трудно объяснить, почему оппозиция, которую будет представлять он со своим молодым соратником, не имеет связи с оппозицией уровня полевых командиров.

Далее справа Черняев написал: «Проверочные мероприятия со стороны Абдул-Вали». Здесь, конечно, можно было фантазировать сколь угодно долго. Зная учетную практику «Хезболлы», их технические и агентурные возможности,

можно предположить, что у них это займет не более двух-трех недель. По своей легенде Черняев был уверен почти полностью: наши службы за последние годы восстановили это искусство и на всех возможных этапах проверки с их стороны будут проставлены «флажки» – здесь они получают всю им необходимую информацию, вплоть до документальной, в нужном нам виде. Но как сработают таджикские спецслужбы? Может быть, с ними вообще не связываться? Отработать легенду о работе оппозиции из Московского региона или вообще из Лондона. Надо подумать.

Евгений Владимирович тезисно набросал вопросы для уточнения легенды и понял, что ничего другого уже не придумает сегодня, решив на этом рассуждения закончить.

После фразы «Контакт установлен» Черняев в правой части написал: «Возвращение в Москву и проработка всех деталей операции – фамилии, явки, пароли».

Отложил в сторону лист и подумал: «Гладко было на бумаге... Но попробовать надо. А если не поверят? Оторвут все выдающиеся части. И голова здесь будет не первая выдающаяся часть».

В двенадцать позвонил помощник директора и сказал, что Сергей Афанасьевич его ждет.

Первый вопрос, который Сергей Афанасьевич задал Черняеву после приветствия, был вполне ожидаем:

– Ну что, уговорили они тебя?

– Да, собственно, уговаривать долго не пришлось, дело-то

нужное.

– Что, не наигрался в шпионов? Расскажи хотя бы, насколько это все рискованно.

– Ну, на первом этапе риск минимальный. В ходе установления контакта все будет зависеть от заинтересованности объекта в нашем предложении о помощи якобы существующей на территории Таджикистана оппозиции Эмомали Рахмону. Если они уже создали в республике сильные боевые позиции, то мы для них будем не более чем разменная монета в будущих межклановых разборках. А если у них позиции только вдоль границы, то могут на нас и клюнуть. Кто же сейчас знает?

– А если поймут, что вы не те, за кого себя выдаете?

– И что? Таких попрошаек у них – «ведро в базарный день». Ну приехали еще одни...

– Я имею в виду совсем другое. Если они поймут, что это игра нашей разведки?

– Трудно это представить, но даже если и заподозрят что-то, то поступят так, как поступает любая грамотная спецслужба – начнут свою игру с целью выявить наши интересы и планы. Это же «игра лисиц», ты же знаешь.

– Да, это когда спецслужба цивилизованного государства, а вы-то лезете непонятно в какие структуры. Вон по Интернету показывают, как за одно только подозрение головы режут прилюдно...

– Не нагнетай. Они тоже работают под контролем ли-

бо иранских спецслужб, либо турецких, либо саудитов. Там специалистов хватает. Кстати, не исключено, что выйдем на английскую МИ-5. У них с исмаилитами тесные связи еще с викторианских времен.

– Я смотрю, ты с годами так и остался романтиком...

– Ты хотел сказать, что я с годами не поумнел?

– Да нет, ума у тебя всегда хватало. В нашем возрасте люди становятся большими реалистами и социальный оптимизм у них не та база, на которой они строят свои дальнейшие планы... А ты, я смотрю, трагические исходы вашей кампании даже не рассматриваешь.

Черняев налил себе в стакан минеральной воды из бутылки, стоявшей на столе, подошел к окну и ненадолго задумался. Сергей Афанасьевич, конечно, прав, и его оптимизм выглядел несколько наигранным, но думать о трагическом исходе всей операции не хотелось. В худшем из худших вариантов им просто отрежут головы где-нибудь в песках с криком «Аллах акбар!», в лучшем из худших постараются найти ту организацию, которая заплатит многие миллионы за их жизни. Но в его долгой и не всегда легкой службе уже были случаи более опасные, чем этот... Например, когда он летел в командировку в горячую точку, не имея даже минимальной информации о том, что его ждет, кроме той, что при приземлении его может ждать шквальный огонь уже на аэродроме, поскольку не было известно, в чьих руках этот аэродром... Или когда он шел на встречу с киллером, при-

сланным в Москву совершить громкое политическое убийство, не надев даже легкого бронежилета – тогда в столице было жаркое лето и под темной тенниской он смог спрятать только легкий пистолет в мышечной кобуре... Тогда все решал случай.

Но здесь все-таки присутствовал хоть какой-то расчет. Они же едут устанавливать контакт не с мусульманскими отморозками, а с человеком много лет занимающимся вопросами большой политики, пускай такими не всегда одобряемыми в «порядочных» обществах методами, как организация бандгрупп на нужных «заказчику» направлениях... Но на то они, эти ребята из контролируемых «заказчиками» мусульманских организаций, специально подготовлены и оплачены, чтобы решать вопросы большой политики методами, от которых «заказчик» всегда может отказаться. Но правила игры в этом мире кукловодов, агентов, исполнителей и «сочувствующих» они хорошо знают. Какой им резон их убивать в случае провала? По крайней мере, они это сделают не сразу. Будет еще время поиграть... Да и к чему эти мысли о провале? Гнать надо эти мысли.

– Ладно, пойдем обедать. – Сергей Афанасьевич обнял Черняева за плечо и увлек его в сторону двери.

Обедали они молча на третьем этаже в столовой для руководящего состава.

Уже заканчивая обед, директор департамента спросил:

– Когда планируется отъезд?

– Сейчас подготовят записку на имя директора с просьбой откомандировать меня в распоряжение СВР, затем три месяца подготовка, и где-то в августе полетим в Дубай.

– Понятно. Раз отправляют на подготовку – значит, мы с тобой до твоего возвращения из командировки больше не увидимся – знаю я их правила.

– Да, скорее всего, контакты сократят до минимума.

– Хорошо. Какие будут просьбы?

– В таких случаях просьба всегда одна, ты знаешь. Позаботьтесь о жене. Она со своей пенсией при нынешней жизни не выживет.

– Ну вот, теперь вижу нормального человека без излишнего оптимизма. Не беспокойся – твою пенсию она будет получать пожизненно. А пенсия у тебя будет хорошая, об этом я позабочусь.

– Спасибо, товарищ! – Черняев рассмеялся. – Ну как с таким начальником не быть оптимистом!

– Ладно, раз такое дело и я тебя долго не увижу, пойдем поднимемся ко мне, выпьем по пятьдесят грамм, не по-русски это – в такой путь отпускать тебя трезвым.

Они поднялись в кабинет директора департамента, и Сергей Афанасьевич, переключив телефоны на помощников, попросил их не беспокоить докладами в течение получаса. Открыв небольшой бар, встроенный в стандартную панельную стенку, молча пальцем, как бы пересчитывая бутылки, показал на содержимое. Выбрать было из чего, но Черняев,

ухмыльнувшись, показал на бутылку водки.

– Если провожать по-русски, то водкой.

– Согласен. – Сергей Афанасьевич достал бутылку водки, две рюмки и из холодильника баночку корнишонов. Разлил водку по рюмкам и выложил маленькие огурчики в небольшую тарелочку.

– Ну что, «турыст», давай выпьем за удачную поездку. Не хулигань там... Да, не забудь магнитик привезти.

Выпили, посидели молча, каждый думая о своем. Разлили по второй.

– Не переживай, все будет хорошо, привезу я тебе магнитик. Считай, что ты послал меня в командировку проверить исполнение твоего приказа – обычная рутина. – Черняев решил успокоить своего друга. Да, уже просто друга, с которым столько лет были где-то рядом, выполняя работу каждый на своем участке, особо не распространяясь о своих успехах, соблюдая строгие правила конспирации, принятые в этом строгом учреждении. И вот они прошли свой путь от младших оперов до сегодняшних высот, и надо было думать о том, как красиво уйти со службы, оставив о себе память у молодого поколения оперативного состава, у которого эта «точка невозврата» еще в далеком будущем.

– Да, – вздохнул Сергей Афанасьевич, – не думал, что буду тебя провожать в такую командировку. Но ты сам решил... Женя, а ты иногда вспоминаешь девяносто первый год?

– Что значит «вспоминаешь»? Я его и не забываю. Год на-

шего позора. Мне потом многие в глаза говорили, что это мы виноваты в распаде Советского Союза. Виноваты своим бездействием... А что мы могли? Как и все военные люди, мы могли действовать только по приказу. Да даже если бы был приказ, как идти против своего народа? А ты же помнишь, как на площади снимали памятник Дзержинскому? Эти молодые энтузиасты на площади были абсолютно уверены, что они ведут страну к светлому будущему, где все люди в христианском братском порыве будут жить в мире и в созидательном порыве построят царствие небесное равенства и справедливости. Вот только разгонят этот ненавистный КГБ, и врата земного рая раскроются сами собой... Интересно, сейчас эти люди, которые тогда снимали памятник Дзержинскому, чувствуют себя счастливыми?

– Кто-то, наверно, счастлив... Помнишь, тогда, когда мы поздно вечером стояли у окна на восьмом этаже и смотрели сверху на всю эту вакханалию с памятником, ты сказал, что не хочешь больше защищать этот народ и рисковать своей жизнью ради них в горячих точках?

– Ну, знаешь, тогда было такое настроение... Да и чего не скажешь в сердцах, особенно когда знаешь, что их упреки тебе несправедливы. Да и потом, они ведь не знали всех тайных пружин, с помощью которых ими управляют и направляют их позитивную энергию на подлые дела. Им ведь долгие годы пальцем показывали на Лубянку как на башню Саурана...

– Кого?

– Да это из Толкиена, из его фэнтези «Властелин колец»...

Там есть персонаж – Саурон, враг всех свободных народов Средиземья. Так вот его башня – это аллегория всех темных сил.

– А, ну да, я сразу не врубился. Давай выпьем и за этих людей, как бы высокопарно это ни звучало. Может быть, они хоть сейчас понимают значение нашей с тобой работы. И простим им прошлые заблуждения.

– Давай. Только у кого-то это были заблуждения, а у кого-то осознанная позиция. Александр Николаевич Яковлев со товарищи в свою бытность много сделали, чтобы родное Отечество было для некоторых хуже Мордора.

– Не любишь ты Яковлева...

– Я Родину люблю, она у меня одна. Какая ни есть. Другой не будет.

– Ладно, давай по третьей. За нас и за всех офицеров, оставшихся верными своему долгу и присяге. Стоя.

Перед тем как распрощаться, Сергей Афанасьевич попросил отработанные материалы сдать в секретариат, текучку передать Фролову.

– Кабинет твой мы за тобой и оставим, можешь не беспокоиться. Цветы только с подоконника кому-нибудь передай, а то засохнут в твое отсутствие.

– Ты думаешь? А вдруг профессор Плейшнер не увидит цветов и подумает, что явка провалена?

– Ладно, иди, все шутки шутишь.

* * *

672 г. Хиджры (ноябрь 1273 год от Р. Х. г. Идлиб, провинция Алеппо, Сирия)

Месяц Шавваль

Идлиб, провинция Халеб, Сирия

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.